

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

БЕЛЫЙ ЦАРЬ –
ИВАН
ГРОЗНЫЙ

КНИГА 2

Александр Тамоников

**Белый царь – Иван
Грозный. Книга 2**

«ЭКСМО»

2014

Тамоников А. А.

Белый царь – Иван Грозный. Книга 2 / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2014

Роман-эпопея об одном из величайших правителей Руси царе Иоанне IV Васильевиче, прозванном Иваном Грозным, представляет яркую, многоплановую картину далекого прошлого нашей страны и раскрывает сложные взаимоотношения народов той эпохи, неимоверными усилиями которых создавалась Российская империя. Властный, непредсказуемый, прозорливый самодержец, пожалуй, впервые представляется читателям живым, ранимым, страдающим человеком, который взвалил на себя величайшую ответственность за судьбу родины. Успехи русского царя во внешней и внутренней политике настолько впечатлили и изумили всех монархов того времени, что они вынуждены были всерьез считаться с интересами Руси. С нашими интересами...

© Тамоников А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Тамоников

Белый царь – Иван Грозный. Книга 2

© Тамоников А., 2014

© ООО «Издательство «Приз», 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

У студеных морей

*Русский вечер.
Дымчатые дали.
Ржавые осколки на траве.
Веет древней гордою печалью
От развалин скорбных деревень.*

*Кажется, летает над деревней
Пепел чингизханской старины.
Но моей девчонке семидневной
Снятся удивительные сны.*

*Снится, что пожары затухают,
Оживает обожженный лес.
Улыбнулось, сморщилось, вздыхает
Маленькое чудо из чудес.*

Юлия Друнина

На Руси происходили поистине великие события. Расширялась территория государства, укреплялась власть Ивана, успешно проводились политические, экономические, военные реформы. В далеком Соловецком монастыре тоже имели место значительные изменения, оказавшие прямое влияние на будущее страны.

Еще в 1548 году, после венчания Ивана на царство и его свадьбы с Анастасией, соловецкий игумен Алексей предложил монастырскому собору в качестве своего преемника инок Филиппа, то есть Федора Колычева, который к тому времени прожил в монастыре почти восемь лет. Для всей братии подобное представление Алексея не стало неожиданностью, а, напротив, явилось само собой разумеющимся. Соловки до тех времен не видели более крепкого в вере, трудолюбивого, уравновешенного монаха, пользовавшегося непреклонным авторитетом.

К мнению этого достойного, уважаемого, рассудительного человека прислушивались и молодые послушники и почтенные, умудренные жизнью старцы. Посему решение собора было единодушным. Филипп стал игуменом Соловецкого монастыря.

С этого момента на Соловках начался новый этап развития. Филипп с присущей ему неумемной энергией сразу же взялся за работу, проявил недюжинные способности рачительного хозяйственника и умелого организатора. При нем братия поставила на каналах мельницы. На ближних островах и в поморских вотчинах были возведены новые хозяйственные сооружения.

Царь не забывал друга своего тяжелого детства. Он жаловал монастырю земли, деньги, утварь.

Игумен Филипп был участником Стоглавого собора, но в то время не смог встретиться ни с царем, ни с другом, князем Ургиным. Пробыв на Москве всего сутки, он занемог, лечился в одном из удельных сел, а потом отправился обратно на Соловки, где его с нетерпением ждала братия.

Необходимо отметить, что игуменство Филиппа происходило не совсем гладко. У него произошел серьезный конфликт со старцем Зосимой. Дело рассматривалось митрополитом Макарием. По нему было вынесено решение не в пользу старца.

Этот случай можно было бы вполне оставить без внимания, если бы он впоследствии не сыграл роковую роль в судьбе честного Филиппа. Старец Зосима уехал из монастыря, но на Соловках остались его приверженцы, возненавидевшие игумена и готовившие подлую месть.

Однако вернемся к нашему повествованию.

Шел июль 1557 года от Рождества Христова.

Вечером князь Ургин при свечах сидел в горнице своего дома в Москве. На улице лил дождь. Дмитрий все чаще проводил долгие, нудные вечера в одиночестве. Он в мельчайших подробностях вспоминал счастливую жизнь с Ульяной. Ему становилось то тепло и радостно, то холодно и грустно.

Раздался стук в дверь.

– Князь, это я, Кирьян!

– Чего стучишься, если знаешь, что на двери запоров нет? – недовольно спросил Дмитрий. – Входи!

Кирьян вошел.

– Князь, у ворот инок какой-то. Говорит, что желает тебя видеть.

– Инок?

– В монастырской черной одежде. С посохом.

– Зачем он пришел, ты не спрашивал?

– Нет. Очень уж голос у него властный. Думаю, непростой человек.

– Так проводи его сюда. Зачем под дождем держишь? Сам-то во двор, поди, и носа не кажешь! Поспешай к гостю. Захочет переодеться, дай, во что, и веди сюда.

– Слушаюсь, хозяин!

Кирьян ушел. Князь Ургин поднялся со скамьи, поправил рубаху и подумал, кого это еще принесло в поздний час? И с добром ли?

Человек в мокром черном одеянии с капюшоном, наполовину закрывавшем лицо, вошел в горницу, встал у входа, опершись о посох. Сзади, напрягшись, застыл Кирьян, готовый наброситься на пришельца, если тот замыслит напасть на хозяина.

Но человек в черном глухим голосом произнес:

– Мир дому твоему, князь Ургин. Тебе, Дмитрий Михайлович, родным и близким твоим года долгие! По Ульяне же и Агафье скорблю и печалюсь.

Ургин удивленно спросил:

– Кто ты?

Гость отбросил капюшон.

– Здравствуй, Дмитрий!

Князь застыл в изумлении.

– Федор? Колычев? Но как?..

Кирьян увидел, что хозяин знает гостя и угрозы никакой нет. Он тихо вышел в коридор, затворил дверь и остался рядом с ней. На всякий случай.

Человек в черном улыбнулся и напомнил:

– Не Федор, Дмитрий, а Филипп. Или забыл? Федор остался в далекой молодости.

– Ладно, пусть Филипп. Удивил!.. Да скинь ты мокрое, не к чужим, к своим пришел.

– Ничего, у тебя тепло, Дмитрий. Ряса быстро высохнет.

– Тогда садись на лавку. Вижу, ты устал. С Соловков пешком сюда шел?

Филипп вновь улыбнулся.

– Нет, конечно. Сейчас я уже не дошел бы. А вот от пристани дальней – пешком. Как раз под дождь. Хотел было к митрополиту явиться, передумал и к тебе, другу своему, пришел. Рад ли ты мне, Дмитрий?

– Он еще спрашивает! Только в растерянность ты меня, игумен, ввел. Мог бы и предупредить. А то не знаю, что и делать. Все так неожиданно!..

- Князь Ургин и растерялся?
- А ты бы спокойно на лавке сидел, заявился я к тебе в келью на Соловках? Вот так же неожиданно, тайком, да под ночь?
- Извини, друг. А делать ничего не надо. Просто присядь, успокойся.
- Присядь?! Успею! Тебе с дороги поужинать надо. Кирьян! – позвал Ургин.
- Слуга появился тотчас.
- Слушаю, господин!
- Давай бегом поварихе наказ передай, пусть ужин для дорогого гостя приготовит. И сюда все! Не в трапезную, а сюда, понял, Кирьян?
- Понял, князь. Только вопрос один имеется.
- Ну?
- Сын твой спрашивает, что за гость у нас.
- Сын? – Ургин все еще не мог прийти в себя. – Скажи, дорогой гость, желанный. Да ступай же ты!
- Филипп поднял руку.
- Погодите! Благодарю тебя, Дмитрий, но я поужинал, меду с тобой отведаю, да и все. А сын пусть войдет. Познакомимся.
- Ургин повернулся к Кирьяну.
- Слыхал? Алексея тоже сюда!
- Слушаюсь, князь!
- Вошел княжич Ургин.
- Филипп шагнул к нему.
- Похож! И на батюшку, князя Дмитрия, такой же статный, сильный, и на матушку покойную Ульяну. Ее глаза и овал лица. Здравствуй, Алексей Дмитриевич!
- Алексей посмотрел на отца.
- Знакомься, сын. Это Филипп, до пострижения – Федор Колычев.
- Тот самый?.. – Алексей повернулся к Филиппу: – Прости, отче! Батюшка много о тебе рассказывал.
- Ладно, Лешка, иди! – заявил отец. – Глафира твоя, поди, беспокоится. А ей волноваться нельзя.
- Да, отец. Благослови, отче!
- Филипп перекрестил Алексея Ургина.
- Бог благословит.
- Княжич ушел.
- Вот такой у меня сын, Филипп!
- Хороший сын, Дмитрий. Сразу видно.
- Да, с сыном и его семьей живу то здесь, то на селе, в Благом. А Ульяны и Агафьи нет со мной. Они на кладбище. Не уберег я их.
- На все воля Божья, Дмитрий.
- И на происки князей Старицких, от которых до сих пор тянутся нити заговоров по Руси? Я был с Иваном во время его болезни. Тогда княгиня Ефросинья подбивала бояр не принимать клятву на верность малолетнему наследнику, желала посадить на трон своего сына Владимира Старицкого. Но царь встал, поправился назло всем врагам. Я сопровождал его и в поездке на Белоозеро...
- Я слышал историю гибели младенца Дмитрия, – тихо сказал Филипп.
- А знаешь ли о том, что крепления сходен, на которые ступила семья царя, были обрваны, оттого люди и сорвались в воду?
- Филипп внимательно посмотрел на Ургина.

– Нет, Дмитрий, о том не слыхал. До меня дошло лишь то, что сходни случайно перевернулись и все оказались в воде. Когда Дмитрия вытащили из реки, он был уже мертв.

– А на самом деле кто-то устроил гибель наследника. Я уверен, что тут тоже не обошлось без Старицких.

– Расскажи подробнее о том случае, – попросил игумен.

В горницу вошел Кирьян, принес мед в чашах.

Как только он вышел, Дмитрий присел рядом с другом детства и юности.

– Я лично, Филипп, осмотрел струг и место крепления сходен. Веревки были обрезаны ножом. Младенец в то время уже был мертв. Возле него билась царица, а Иван, словно окаменев, сидел на берегу. Мы проверили людей на струге и недосчитались одного гребца. Стали искать. Нашли в реке, убитого ударом ножа в спину.

Филипп задумался, потом спросил:

– Это было в конце мая?

– Да.

– Интересно. А осенью позапрошлого года в монастыре появился странный человек лет сорока пяти. Спросил я его, откуда родом, кто такой и почему решил оставить мирскую жизнь. Он ответил, что зовут его Федором Кучером, жил в Москве, служил у Старицких, жена померла, дети сами по себе. Причиной отречения от мирской жизни стал страшный великий грех, который давит, зовет в могилу. Потому и пошел он в дальний монастырь замаливать тот грех, совершенный по принуждению. Не стал я больше его пытаться, принял этого Федора послушником. До сих пор живет на Соловках. Не щадит себя в работе и молитвах. Часто в келье по ночам плачет, кричит во сне. Как-то доложили мне, что однажды он так вот упоминал имя младенца Дмитрия. Мол, не по своей вине загубил дитяtko. О своем ребенке печалится Федор или о царевиче Дмитрие?

– О царевиче? – переспросил Дмитрий. – Может быть. Но насколько помню, а память у меня, слава Богу, до сих пор хорошая, ни на струге, ни в страже, ни среди обозных людей никакого Федора Кучера не было. Того человека, который перерезал крепления сходен, звали Кузьмой Бородатым. Мы нашли его в воде, с камнем на шее да раной в спине.

– Но Федор мог и не под своим именем прийти в монастырь.

– Мог, если опасался мести тех, кому служил. Надо бы, Филипп, допрос этому Федору учинить, выведать, о каком Дмитрие он печалится, за что терзает себя.

– Думаю, Дмитрий, спешить не след. Младенца уже не вернуть. А там, глядишь, сам придет покаяться. Должен!.. Слишком тяжкий груз в душе носит этот послушник.

– Но коли не придет, то ожидай меня на Соловках. Я с ним говорить буду.

– Хорошо.

Ургин спросил:

– А ты на Москве по делам или как?

– По делам, конечно, Дмитрий. Просто так из Соловков в Москву вряд ли стоит ехать.

– Да, путь не близкий. К митрополиту?

– К Ивану!

– Вот как? А я как раз хотел узнать, пойдешь ли к нему. Тогда завтра с утра вместе в Кремль и поедем.

– Хорошо, Дмитрий. Хочу по Москве пройтись. Помнишь, как в юности гуляли?

– Да ты-то больше за книгами сидел, а я погулял на славу.

– Григорий, брат Ульяны, с тобой или сам по себе в доме родителей живет?

– Погиб Гришка, Филипп, защищая от татар село Благое.

– Вот оно как. Земля ему пухом. – Филипп трижды перекрестился.

Ургин вызвал слугу, который появился тут же.

– Приготовь постель гостю в соседней горнице, все еще раз проверь на дворе да ложись спать.

– Слушаюсь!

Кирьян исчез.

А Дмитрий Ургин и Филипп, в миру Федор Колычев, еще долго сидели в горнице князя, вспоминали молодость, поход на Казань, Ульяну. Им было о чем поговорить.

Утром после молитвы и трапезы Дмитрий и Филипп направились к Кремлю в сопровождении Кирьяна да Петра Лемеха, ратника дружины Ургина. Старший дворцовой стражи провёл князя и игумена в царские палаты.

Иван встретил Филиппа с радостью, обнял его.

– Здравствуй, отче! Рад видеть тебя.

– Многих лет тебе, государь!

– Благодарю. Да вы проходите, Дмитрий, отец Филипп, присаживайтесь на лавки. Поговорим, а время подойдет, и отобедаем вместе.

Царь сел в кресло, князь Ургин и Соловецкий игумен устроились на лавке, устланной дорогими коврами.

– Поначалу дело решим, да, Филипп? Ведь ты же приехал с Соловков не только ради встречи с друзьями?

– Так, государь.

– Говори, что за дело у тебя ко мне, не стесняйся. Ты и Дмитрий – мои истинные друзья. Вы в детстве жизнь мне спасли, поддерживали как могли, обороняли, защищали, до конца исполнили клятву, данную моему отцу.

Филипп достал две грамоты.

– Девять лет назад, государь, твоим повелением монастырю было разрешено беспощинно продавать соль по десять тысяч пудов в год. Ты подтвердил данное право вот этой грамотой, а два года назад отменил его другой. – Филипп поднял вторую грамоту. – Правда, взамен ты пожаловал нам другие милости, но беспощинная торговля приносила неплохой доход, позволявший укреплять монастырь, строиться, расширяться. Хочу узнать, почему ты принял такое решение.

– А ну-ка дай запретную грамоту. – Иван Васильевич посмотрел документ. – Да, подпись моя, печать царская. Почему лишил данного права? Деньги в казну требовались на астраханский поход да на укрепление новых границ. Ты вот, Филипп, монастырем управляешь, а мне приходится обо всем государстве думать. Решим так. Все солеварни, принадлежащие монастырю, я от оброка освобожу. Только все сделать надо как положено. Подашь челобитную, получишь царскую грамоту. Сегодня же! Это тебя устроит?

– Да, государь, благодарю!

– Что еще просишь?

– Больше ничего.

– Подумай, Филипп.

– Подумал. То, что хотел, получил.

– Ну и хорошо.

– Мы с Дмитрием ночью долго беседовали. Он рассказывал о рождении твоего сына Федора, с чем искренне поздравляю тебя, и о том, что теперь ты собираешь поход на Ливонию.

– За поздравления благодарю, только болеет Федор.

– Так ему три месяца всего, подрастет – окрепнет.

– Молюсь о том и надеюсь. А с Ливонией что делать, Филипп, коли она не исполняет условия перемирия, заключенного еще с моим дедом? Ливония должна ежемесячно вносить дань за город Юрьев. Срок перемирия истек, а орден словно забыл о своих обещаниях. При-

шло напоминать. Года три назад я потребовал возврата недоимок и предложил продолжить перемирие. Как видишь, ни о какой войне и речи не шло. Соблюдай уговор и живи спокойно. В этом мы должны были получить первую выплату долга за Юрьев, но ничего подобного не последовало. Кроме того, дабы облегчить торговлю, весной на берегу Нарвы мы поставили порт. Не забыл я и дело Ганса Шлитте, хотя со времени несправедливого суда над ним прошло девять лет. Я поручил Шлитте завербовать в Европе и привезти в Москву мастеров разных ремесел: зодчих, докторов, печатников. Тех, в ком сильно нуждалась Русь. Шлитте набрал около трехсот человек и направил их в Москву двумя обозами. И что? Одних арестовали и засадили в тюрьму. Вторых вместе с самим Шлитте задержали в Любеке. Ганс попытался пробраться в Россию, но был пойман и казнен. Этот произвол как понимать? Понятно, Ливонский орден опасался, что мастера, завербованные Шлитте, усилят мощь Руси. Но зачем поступать так подло, гнусно? На переговорах я напоминал ливонским послам о безобразиях, творимых орденом, но они будто оглохли. Что ж, не слышат слов, уши им прочистят пушки. Не желают пропускать торговые суда в наш порт, займем Нарву. Не знаю, о чем думают рыцари Ливонского ордена. Видимо, наши победы ничему не научили их. Сами ослаблены поражением в конфликте с польским королем Сигизмундом Вторым Августом, расколоты в результате церковной распри и все туда же, воевать с Русью. Но не хотят они мира, значит, быть войне. Я не намерен уступать и позволять попираť интересы своего государства. Рыцари узнают, что представляют собой русские воины.

Филипп тихо спросил:

– А нельзя ли, государь, еще раз попробовать договориться с Ливонией?

– Ты, Филипп, видимо, плохо услышал то, что я сказал. Мы пытались договориться по хорошему, не получилось. И не по нашей вине. Может, мне еще на поклон к ним пойти? Этому не бывать! Ливонцам надо думать о том, как быстрее поправить дело, не допустить вторжения наших войск на свою землю. Для этого надо только выплатить долг и подписать новые условия перемирия. Все! Никакого похода не будет! Но нет. Уперлись рыцари. Что ж, дело, как говорится, хозяйское.

В палаты вошла царица, поздоровалась с князем Ургиным, поклонилась игумену, что-то шепнула Ивану и неспешно вышла.

Дмитрий спросил царя:

– Случилось что, государь? Может, нам уйти?

– Нет, ничего не случилось. Анастасия спросила, пойду ли я с ней и сыновьями. Я сказал, что позже прогуляемся. День большой. – Царь глубоко вздохнул. – Страшно мне за нее. Болеть стала часто. То одна хворь прицепится, то другая.

– И давно, государь? – спросил Филипп.

– Да уж второй год, наверное. Как Ивана родила. А после Федора хуже стало.

– А Иван как?

– Ничего. Тоже иногда болеет, но разве в младенчестве по-другому бывает? Хотя Дмитрий крепче был. Как сейчас помню, беру его после купания, а он ручонками машет, бороду теребит, улыбается. Сам весь такой розовый, сбитый, тяжеленький. Был!.. Сгубили враги первенца. Эти злодеи рядом, на подворье Старицких. У меня нет доказательств их вины, но все от них. Разгромить бы это осиное гнездо, да не по закону. Дмитрия забыть не могу. Смотрю на Ивана, а вижу его. Анастасия тоже. Плачет, когда вещи его перебирает. Все сохранила, в сундучке держит, страдает. Да и я, что скрывать. Иногда страшные мысли приходят. Первые дочери родились нормальными, здоровыми, но умерли, не прожив и года. Дмитрий был убит на глазах у отца и матери. Вдруг и моя внезапная болезнь, и хвороба Анастасии – продолжение дел проклятых врагов? Не Ефросинья ли порешила сгубить и Настеньку?

Голос подал Филипп:

– Разобраться бы во всем этом, государь. Может, страхи твои и напрасны. А царицу ты береги. Она ослабела от родов, но поправится. А еще лучше, как время свободное выпадет, приезжай-ка ко мне на Соловки, государь. Вместе с семьей! Вот где отдохнете спокойно, наберетесь живительной силы.

– Спасибо, Филипп. Может, и приедем, но сейчас, сам видишь, забот много.

– А разве осмотреть северные границы Руси – не государственные дела?

– Всею своей черед. Сейчас на первом месте Ливония. Запад. Но нельзя забывать, что главным врагом Руси было и остается Крымское ханство в союзе с Турцией. Они еще проявят себя. Войны с Крымом не избежать. Но мы готовы к ней. Впереди освоение Сибири. Там несметные богатства, могущество Руси. Мы пойдем туда. Позже. Видишь, отец Филипп, сколько дел впереди.

– Да, государь, ты поистине великий царь. В моих словах нет ни капли лести. Ты прекрасно знаешь, что я никому и никогда не льстил. Как и князь Ургин.

– Я хорошо вас знаю. Но время помолиться да идти в трапезную, где все уже готово к праздничному обеду.

– А что за праздник сегодня, государь? – спросил Ургин.

– Большой праздник, Дмитрий. Я встречаю настоящих друзей.

– Митрополита надо бы позвать, – проговорил Филипп. – А то неудобно выйдет. Я сперва должен был к нему явиться.

– Ничего. Владыка приедет. За ним уже послали. Идемте в собор.

После обеденной трапезы Филипп получил от государя грамоту об отмене пошлыны на соляную торговлю и поехал с Макарием на его подворье. Иван отправился на прогулку с супругой и детьми.

Ургин вернулся домой и вечером того же дня узнал, что Филипп срочно отбыл на Соловки. Дмитрию не давала покоя мысль о послушнике Федоре Кучере, нашедшем приют в Соловецком монастыре.

Князь велел Кирьяну позвать к нему сына.

Тот не заставил отца ждать.

– Ты звал меня, отец?

– Проходи, Лешка, садись на лавку да слушай.

Княжич подчинился.

Дмитрий рассказал сыну о странном послушнике.

Алексей внимательно выслушал отца, резко поднялся и воскликнул:

– Неужто этот Федор замешан в убийстве царевича Дмитрия?

– А вот это и надо выяснить, Лешка. Поначалу хорошо бы выведать, кто бежал с подворья Старицких два года назад.

– Сделать это можно, отец. У Старицких служит конюхом дальний родственник нашего Кирьяна.

– Вот как? – удивился Ургин. – Почему я об этом ничего не знаю?

– Так пустяк же.

– Ты считаешь это пустяком? Позови-ка сюда Кирьяна. Узнаем, какой его родственник прибил к подворью Старицких, врагов государя, а значит, и наших.

Алексей крикнул Кирьяна.

Тот вошел, поклонился.

– Звал, князь?

– Звал, Кирьян! Почему я не знаю, что твой родственник служит Старицким?

– Да какой он мне родственник? Таких у меня хоть пруд пруди.

– Ты от ответа-то не увиливай!

– Вот те крест, князь, если Фома Шептунов мне и родственник, то очень уж дальний. Он вроде как племянник троюродного брата моего покойного отца.

– Ты с ним встречался?

– Было раз. Он заходил, как из Пскова сюда приехал. Даже не знаю, кто ему про меня сказал. Приходил, спрашивал, где прибиться можно. А я поглядел, мужичонка-то никакой, плюгавый, мелкий, нам не подойдет, да и отправил его к Старицким. Сказал, там, мол, такие, как ты, нужны. А он прибился. Конюхом служит у Старицких. Слыхал, что княгиня Ефросинья к нему благоволит, а с чего – не ведаю.

Дмитрий присел на лавку, посмотрел на слугу.

– Так, Кирьян, тебе придется сдружиться с родственником.

– Чего это? Сдался он мне!..

– А я говорю, придется. Так надо!

– Если надо, то сделаем.

– Но учти, Кирьян, ни княгиня Старицкая, ни Владимир не должны знать о ваших отношениях. Иначе Фоме Шептунову головы не сносить.

– А зачем мне с ним дружить, князь?

– Тебе все Алексей объяснит. – Ургин повернулся к сыну: – Завтра же, а еще лучше прямо сейчас расскажешь все Кирьяну да отправишь его к родственнику.

– Я понял, отец, сделаю!

– Ступайте!

– А ты один в горнице горевать будешь?

– Теперь, Алексей, надо не только горевать, но и думать. Дело до конца довести.

– Ты прав. Только внук твой очень хочет деда видеть. Соскучился Иван.

– Уж не мал, чтобы скучать. Ладно, пусть придет. Хотя нет, я сам выйду.

– Вот и хорошо. А то уже и Глаша беспокоится, не прогневался ли ты на нее.

– А на Глафиру-то чего мне гневаться? Сватов повидать надо, это да. Нехорошо забывать родню. Может, им помощь нужна, Лешка? Ведь в семье Порфирия, отца Глафиры, еще шестеро детей.

– Так они уже тоже подросли. Я сам, отец, помогаю, чем уж могу. Да они много и не требуют. Хозяйствуют крепко. Давеча второй короной обзавелись, птичник расширили. Давно ты не был на селе, отец.

– Твоя правда, Лешка. Надо съездить. Вот о Федоре Кучере что-нибудь узнаем, тогда всей семьей и отправимся на недельку в Благое. Я схожу на могилу Григория.

– А у матери с сестрой давно был?

– На это кладбище, Леша, я едва ли не каждый день заезжаю, рассказываю матери твоей, какой сын-богатырь у нее вырос. Все, Лешка, ступай, не тереби душу!

– Так мы ждем тебя, отец.

Новости из стана врага князь Ургин получил уже следующим утром.

Алексей привел к нему Кирьяна и сказал:

– Послушай, отец, что узнал наш слуга.

– Так ты его вчера к Старицким посылал?

– А чего время тянуть?

Ургин повернулся.

– Говори, Кирьян.

– Проведал я вчера, как стемнело, Фому. Не беспокойся, князь, никто нас не видал. Я родственника на конюшне нашел. Там и поговорили.

– А что, на конюшне, кроме вас двоих, никого не было?

– Не было, князь.

– Продолжай!

– Фома много знает о делах княгини. Был такой холоп на ее подворье. Звали его Федор, только Курилин, а не Кучер. Он был отправлен в Вологду с князем Ростовым Василием Юрьевичем. Родственник не знает, для чего. Он слышал, что потом Курилин вернулся и вскоре овдовел. Сын его женился и стал ремесленником, дочь вышла замуж за купца из Рязани. Мрачным был тот Федор, а после, как ты и говорил, года два назад исчез. Отправили его с дворовыми людьми в удельное село, так в лесу он и пропал. Княгиня тогда серчала, учинила серьезный поиск, да без толку. Исчез Федор Курилин. Теперь о нем и не вспоминают.

– Значит, Ефросинья отправила своего холопа в Вологду с князем Ростовым? – задумчиво проговорил князь Ургин. – А Василий Юрьевич сопровождал семью Ивана в поездке на Белоозерье. Но среди его слуг Курилина не было. Как и на царском струге. А, может, этот Федор все же находился рядом с князем Ростовым? Это выясним. Хорошо, Кирьян. Молодец. Ты вот что, отношения с родственником не прерывай. Иногда навещайся к нему. Да, а с чего вдруг Ефросинья проявляет к нему благосклонность? Или это все слухи?

– Нет, княгиня Ефросинья Андреевна на самом деле благоволит к Фоме. Но почему, тот и сам не ведает.

– Надо это узнать, Кирьян!

– А как, князь, коли сам Фома ничего не знает?

– Сам-то как думаешь, отчего такое отношение княгини к пришлому холопу?

– Я думаю, жалеет она его.

– А чего его жалеть? Он убогий, что ли?

– Нет, но и не нормальный. На юродивого смахивает. Весь в чирьях, в рвань ходит, за собой не следит. Я с ним говорил, так нос воротил. Запах от него как от пса шелудивого.

– Тогда понятно. У нас к таким убогим действительно благоволят. Ладно, ступай, делами занимайся. К родственнику своему будешь ходить по разрешению княжича.

– Слушаюсь!

Отпустив слугу, Ургин посмотрел на сына и спросил:

– Что скажешь про беглого холопа, а ныне послушника Соловецкого монастыря?

– Скажу, что он, видимо, замешан в гибели царевича Дмитрия. Осознал вину и ушел в обитель, грех свой замаливать.

– Может, он имел другую причину бежать от Старицких?

– Что ты имеешь в виду?

– Коли заговор против царевича на совести княгини, а я уверен, что так оно и есть, то Ефросинье не нужны ни исполнители убийства, ни свидетели. Кузьму Бородатого, прямого виновника гибели Дмитрия, зарезали в лесу, рядом с рекой сразу же, как стало известно о гибели наследника. Кто убил его, а потом с камнем на шее бросил в реку? Тот, кто все время находился рядом, не обязательно на струге. Князь Ростов был на судне, но в суматохе мог спокойно пройти в лес. Не до него было.

– Но все это только предположения, отец.

– Да, а чтобы добыть доказательства, надо учинить допрос самому Федору Курилину, который теперь зовет себя Кучером.

– Уж не задумал ли ты поездку на Соловки?

– Отчего нет? В дороге развеюсь, новые места посмотрю. Судя по всему, в поход на Ливонию государь мою дружину не пошлет. Или ее поведет другой воевода. А что мне делать на Москве?

– Государю о своих намерениях докладывать будешь?

– А как же? Без этого нельзя.

– Рисковое дело ты замыслил, отец. Коли Ефросинья прознает, что ты начал дознание по делу гибели царевича, то натравит на тебя всех своих собак.

– Но мы же, Ургины, тоже кое-чего стоим, да, Алексей? Или не так?

– Так-то оно так, только это дело надо хорошенько обдумать.
– Ты еще отца поучи!..
– Прости, батюшка. Может, уговоришь царя и меня с тобой отпустить? Все надежней.
– А тут кто в случае чего семью оборонять будет?
– Ратники дружины.
– Которая может уйти в поход? Кстати, вместе в тобой. Нет. Ты останешься здесь. И не перечь отцу!

Алексей вздохнул.

– Я и не перечу. Только...
– Все! – повысил голос Ургин. – Дело сделал и ступай.
– Может, еще чего надобно, отец? Не гневайся, я же помочь тебе хочу.
– Помочь? Вот, что, Лешка, надобно узнать, как связаны между собой Ефросинья Старицкая и Ростов. Как он попал тогда в царскую свиту? Зачем? Вопросов много, ответов нет. Их придется найти. Тут уже Кирьян не справится.

– Я понял тебя, отец. Что смогу, то узнаю.

– Но быстро, Алексей. Я завтра же буду просить царя, чтобы отпустил меня на Соловки. Мне до обеда надо как можно больше узнать о князе Ростове и его связях, особенно в Москве.

– Хорошо, отец.

– Давай, сын! Будь осторожен.

– Уж кто бы говорил! – Княжич улыбнулся и вышел из горницы.

Дмитрий вызвал Кирьяна и спросил:

– Кто у нас на подворье из ратников дружины?

– Ефим Ушаков.

– Зови его сюда.

– Слушаюсь.

Вскоре в комнату вошел Ушаков.

– Я здесь, князь!

– Срочно собери отряд человек в десять, передай приказ подготовить струг с гребцами.

– Далече поплывем, князь?

– Далече, Ефим. На Соловки. Пусть ратники вооружатся как следует, приготовят теплую одежду. Путь предстоит долгий и дальний. Сегодня же в ночь надо послать гонца к князю Борису Андреевичу Чернышеву. У него встанем на сутки. Надо, чтобы он подготовил нам коней да оповестил игумена Соловецкого монастыря Филиппа о нашем приезде. Все понял, Ефим?

– Понял, князь. Значит, на Соловки пойдем? А позволь узнать зачем?

– Не надо задавать подобных вопросов, Ефим. Скажу, когда время наступит.

– Понял. Позволь идти, князь?

– Готовность к отплытию – завтра после полудня. Ступай.

Отдав все необходимые распоряжения, князь Ургин спустился к семье.

Наутро он был уже в Кремле.

Иван тут же принял верного подданного:

– Пришел просить разрешения отбыть на Соловки.

– Зачем? С Филиппом ты недавно виделся. Или замыслил постриг принять?

– Нет, государь, постриг подождет. С делами мирскими разобраться надо.

– Что за дела, князь?

– Уж и не знаю, надо ли говорить о них.

– Надо, Дмитрий. Отвечай, я жду.

– Прости, государь, что за большое задену, но иначе нельзя. Всем известно, что твой первый сын Дмитрий пал жертвой подлого заговора. Истинного виновника смерти младенца так и не нашли. Кроме подозрений, у нас ничего нет. Вернее, не было до вчерашнего дня.

Царь резко поднялся с кресла.

– Тебе что-то стало известно об убийцах Дмитрия?

– Появилась одна зацепка. Ниточка тоненькая. Но коли сумеешь потянуть за нее, не порвать, то, глядишь, и размотается клубок заговора.

– Я должен знать, что стало известно тебе.

– Да, государь, конечно.

Дмитрий передал Ивану все, что узнал сам.

Царь ударил посохом по полу.

– Значит, все-таки Старицкие?

– Это надо доказать, государь. Вот за доказательствами и собираюсь на Соловки. А там мне во всем Филипп поможет.

– Езжай, Дмитрий. Как можно быстрее!

– Я уже приказал своим людям готовиться. После обеда тронемся в путь.

– Как добираться до Соловков будешь, продумал?

– Конечно.

– Какая моя помощь нужна?

– У меня все есть.

– Все, говоришь?

– Да, государь.

– Хорошо. Слушай тогда мой наказ. Коли вина Старицких подтвердится, то послушника этого доставить сюда. Ко мне.

– Сделаю. Думаю, надо и князя Ростова повязать.

– Надо, да поздно. Убежал князь Ростов в Литву. Я сам только вчера узнал об этом, но со смертью сына не связал. Ничего, коли нужда будет, я его и в Литве достану. Благодарю тебя, Дмитрий.

– За что, государь?

– За верную службу, Дмитрий Михайлович. Езжай с Богом, возвращайся с доказательствами. Но смотри, чтобы Старицкие не прознали про твой отъезд на Соловки.

– А прознают, так что? Чего княгине Ефросинье опасаться? Если бы она знала, что ее холоп, причастный к темным делам, утек на Соловки, то убила бы его и в обители.

– Это верно. Но лучше будет, если княгиня не узнает о твоей поездке.

– Да, государь.

– Дьяк тебе охранную грамоту выпишет, ты погоди недолго.

– Подожду. До свидания, государь.

– Да хранит тебя Господь, Дмитрий!

В десятом часу князь Ургин с охранной грамотой вернулся на подворье. После молитвы и обеденной трапезы его новый струг тихо отошел от причала и начал спускаться по Москве-реке. Мало кто обратил на это внимание. А кто заметил, тот не побежал на подворье Старицких. Мало ли куда отправился князь Ургин! Москва готовилась к походу на Ливонию. Отъезд из столицы малой дружины ни у кого не вызвал вопросов. Значит, так нужно.

Отпустив верного князя на Соловки, царь вплотную занялся подготовкой похода на запад. В середине декабря он вызвал к себе хана Шах-Али, воевод Глинского и Захарьина-Юрьева.

Иван указал вельможам на скамью и обратился к Шах-Али:

– Готово ли войско для похода на Ливонию, хан?

Шах-Али поднялся.

– Готово, государь. В Новгороде с ноября стоит и ждет приказа сорокатысячная рать.

Царь кивнул, повернулся к брату жены, князю Захарьину.

– Где сейчас находится вспомогательная рать?

– В походе, государь. В начале января она должна выйти к Ивангороду.

Шах-Али со свойственной ему горячностью воскликнул:

– Быстрее бы, государь. Мы с нашим войском за несколько дней разгромим этот орден.

Я лично привезу тебе головы магистров и рыцарей. Города их сожжем, кроме портов, чтобы все знали, что русскому царю перечить нельзя. Коли должен, то долг в срок отдавай!

Глинский и Захарьин переглянулись, улыбнулись.

Иван же повысил голос:

– Мы громить, пленить и жечь не будем! Запомните, воеводы, цель вашего похода – большая разведка. Вы должны пройти по Ливонии, на короткое время окружать крепости и отходить. Я должен знать, что они собой представляют. Слышал, их считают неприступными. Вот вы и посмотрите, справятся ли с ними наши осадные орудия.

Поднялся князь Глинский.

– Так что, государь, вот так просто провести сорокатысячное войско по Ливонии и вернуться ни с чем?

– Князю Шестунову надо попытаться взять Юрьев, но особо в этом не усердствовать. Наш зимний поход должен заставить ливонцев уплатить полагающуюся дань и открыть путь к русскому порту.

– Надо показать им, что сейчас они имеют дело уже не с прежней Русью?

– Ты, Михаил Васильевич, знаешь, что Русь у нас одна, православная. Наши предки и прежде крепко бивали врагов. Но силу показать не мешает. Здесь ты прав.

Царь определил задачи войскам Шах-Али, Глинского и Захарьина и отпустил полководцев.

Россия начала войну с Ливонским орденом 17 января 1558 года. Еще до этого основная рать двинулась из Новгорода к Пскову. Вспомогательное войско князя Шестунова вышло к Ивангороду, построенному еще в 1492 году на крутых склонах Девичьей горы и реке Нарве, в труднодоступном месте.

Напротив него, на другом берегу реки стоял город ливонских рыцарей Ругодив. Так русские называли Нарву.

В январе 1558 года основная рать подошла к Юрьеву (Дерпту), где соединилась со вспомогательной. Войска предприняли попытку взять Юрьев, но с ходу сделать это не смогли и отступили, дабы не понести неоправданных потерь. Только гарнизоны Ивангорода и Нарвы обстреливали друг друга.

Цель первого похода была достигнута. Рать прошла по территории Ливонского ордена, заставляя местное население укрываться за крепкими городскими стенами, и вернулась на русскую землю. Наступило затишье.

В то же время небольшой отряд князя Ургина наконец-то вышел к Онежскому озеру. Он совершил длительный переход по воде, суше, девственным лесам и болотам. С берега дружина перебралась на остров, где находился монастырь.

Дорогого гостя вышел встречать сам игумен.

– Рад приветствовать тебя на святой земле, дорогой князь. – Филипп обнял Дмитрия. – Как далась дорога?

– Путь к тебе нелегкий, Филипп.

– Но как же здесь хорошо, Дмитрий! Как легко дышится!

– Да, но я к тебе по делу.

– Знаю, гонец известил. Он не сказал, какое именно дело у тебя здесь, но я и сам догадался. Ты же ради послушника Кучера приехал, не так ли?

– Так. Только не Кучер он, а Федор Курилин, холоп Ефросиньи Старицкой.

– Думаешь, он замешан в убийстве царевича Дмитрия?

– Да. Я хотел бы как можно быстрее переговорить с ним.

– Но захочет ли он того же?

– Что? – повысил голос князь Ургин. – Еще как захочет! Он у меня всю правду выложит как на духу! Уж поверь, я заставлю этого послушника выложить всю правду.

Филипп твердо ответил:

– Насилию в обители не быть! Поговорить можешь, но пытаться его я не дам.

– Но ты же понимаешь, насколько важны показания Федора Курилина? Государь ждет их. Если он признается, то я повезу его в Москву. Иван выразил уверенность в том, что ты поможешь мне.

– Я помогу тебе, Дмитрий, однако насилия не допущу. Но давай сначала людей твоих на житье определим, да и тебе не мешает до вечера отдохнуть. После молитвы и трапезы я предоставлю тебе послушника Федора.

– Людей отправляй на покой, мне же не до того. Я желаю немедля говорить с послушником.

– Вот так всегда. Как и раньше. Если князь Ургин что надумал, то своего добьется. Ладно, погоди здесь, присядь вон на лавку, я скоро. – Игумен ушел, спустя полчаса вернулся, устроился рядом с Ургиним и сказал: – Плохие новости у меня для тебя, Дмитрий.

– Что? Убежал послушник?

– Нет, в ночь захворал сильно. Мне только что сообщили об этом. С ним сейчас лекарь.

– Так идем к нему, Филипп! Неровен час помрет, и вся моя поездка окажется бесполезной. Где твой послушник?

– У себя в келье. Будешь допрашивать беспомощного, страдающего человека?

– А ты предлагаешь дожидаться, пока он Богу душу отдаст? Пойми, Филипп, его показания очень важны. Возможно, только они помогут найти настоящего убийцу младенца Дмитрия. Разве будет справедливо, если преступник останется безнаказанным?

– Хорошо, князь! Пойдем, я проведу тебя в келью Федора, но сначала сам с ним говорить буду. Потом ты.

– Согласен.

Игумен и князь прошли к двухэтажному зданию.

Келья послушника Федора Курилина находилась на первом этаже, слева в конце коридора. Филипп и Ургин подошли к ней, когда оттуда вышел лекарь, молодой мужчина крепкого телосложения.

– Что с Федором? – спросил игумен.

– Сердечный приступ, отец. Я бессилен что-либо сделать.

– Но он еще жив? – Ургин шагнул вперед.

– Да, но я думаю, что до утра не дотянет.

– А говорить он может?

– Может. В сознании. Отец игумен, Федор просил тебя зайти к нему. Исповедоваться желает.

– Вот сейчас он и исповедуется, – сказал Дмитрий. – Самое время.

– Постой здесь, Дмитрий, – заявил Филипп. – А ты, лекарь, ступай, раз помочь больному не можешь.

Игумен вошел в келью. Ургин остался в коридоре и с нетерпением ждал его возвращения.

Игумен вскоре появился и сказал:

– А теперь ступай к нему ты, Дмитрий. Федор расскажет тебе все, что знает.

– Уверен, что он будет говорить правду?

– На смертном одре не лгут!

Ургин прошел в келью, присел на лавку у изголовья послушника, лежавшего в постели.

– Я князь Ургин, посланник царя.

– Знаю, – тихо проговорил Федор. – Игумен сказал, что привело тебя сюда.

– Раз так, то рассказывай все, что тебе известно об убийстве царевича Дмитрия.

– Я служил у княгини Старицкой. Как-то вечером, перед отъездом царя с семьей в Кирилло-Белозерский монастырь, к ней тайно приехал Василий Юрьевич Ростов. О чем она с ним говорила, не знаю, только поутру приказала мне ехать с ним. Я повиновался. Князь тогда же отправил меня в Вологду. Там я встретился с купцом Лукой Мариным. – Слова давались послушнику с трудом, лицо его часто перекашивала гримаса боли. – Тот свел меня с Федотом Стоганом, человеком из окружения князя, и велел во всем ему подчиняться. Переночевал я в доме Стогана. Утром мы взяли с собой третьего коня, выехали к Сиверскому озеру и встали в лесу, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Потом появилась свита царя. Федот иногда уходил куда-то, я же все время оставался в лесу, при конях и поклаже. Потом царский струг пошел обратно. Мы с Федотом сопровождали его по берегу.

Дмитрий прервал послушника:

– Как же вы обходили дозоры дружины княжича Головина, которая тоже шла по берегу?

– Нет, она двигалась поодаль, стороной. Мы только один раз видели царских ратников, да и то небольшой отряд в пять человек. Они осмотрели берег и ушли в лес.

– Дальше!

Послушник попросил:

– Воды бы испить, князь. Сухо во рту, в груди же огонь.

Ургин подал умирающему чашу студеной воды.

Тот отпил несколько глотков и продолжил:

– Дальше было так. Во время дневной стоянки струга к нам с Федотом вышел князь Ростов. Дальше он ехал с нами.

– Его не было на струге?

– Только во время перехода от дневной стоянки судна до ночной. Не перебивай меня, князь, и так мысли путаются. Значит, струг шел по Шексне. Мы с князем Ростовым, для которого и был взят третий конь, двигались по берегу, следя за судном. Клянусь всем святым, князь, я и подумать не мог о том, что замыслил Ростов.

– А коли знал бы, то предупредил бы стражу?

– Да! Клянусь, предупредил бы.

– Ладно, одному Богу известно, как ты поступил бы. Продолжай.

– Ох и тяжело мне. Но по грехам муки.

– Ты не отвлекайся, Федор Курилин.

– Как ты узнал?..

– Это уже не важно. Что было дальше?

– Вечером струг встал. Князь Ростов о чем-то поговорил с Федотом и вышел к окраине леса. Я со стороны видел, как по сходням шли царь с царицей, нянька с ребенком на руках, двое бояр. А потом вдруг сходни рухнули. Нянька закричала, что царевич в воде. Тут началась неразбериха. Царь, вельможи, стража начали нырять, шум поднялся. Боярин какой-то вытащил младенца, передал его государю. Царь вышел с сыном на берег, к ним подскочил лекарь. Тут в лес прибежал человек со струга. Его встретил князь Ростов. Их разговор я не забуду до смерти, которую уже готов принять.

– Так о чем говорили князь Ростов и человек со струга?

– Ростов спросил у него, мертв ли младенец. Тот ответил, мол, мертвее не бывает. Князь похвалил мужика. Дескать, дело хорошо сделал, и назвал его по имени – Кузьма. Тот поинте-

ресовался, что ему теперь делать? Ведь стражники скоро обнаружат, что его нет. Ростов ответил: «Ты должен уйти немедленно». «Куда?» – спросил Кузьма. «Туда, где тебя давно ждут!» – ответил князь. Тем временем сзади к Кузьме подобрался Федот и всадил ему нож в спину. Ростов приказал Федоту оттащить тело за обрыв, нацепить на шею камень, там утопить и ехать в Вологду, к купцу Луке Марину. Он должен был послать гонца к княгине Старицкой, доложить ей, что наследника у царя больше нет. Сам же князь вернулся на струг и стал печалиться вместе со всеми. Только тогда я понял, в какую историю влип. Ведь мы же царевича убили. Страшно мне стало так, что словами не передать, но изменить ничего уже нельзя было. Оттащили мы с Федотом труп Кузьмы, камень к шее привязали, сбросили с обрыва, забрали коня князя Ростова и направились в обратный путь. Спешили, боялись, что стражники большого отряда догонят, но пронесло. Так и вернулись в Вологду. Лука оставил меня при себе, а Федот дня через два вдруг помер. Наверное, кто-то помог ему по приказу князя Ростова. Я стал ждать смерти. Бежать-то некуда было, да я и не хотел. Заслужил смерть, хоть и не желал гибели царевича и не участвовал в его убийстве. Но меня не тронули. Осенью отправили обратно в Москву. Я же потом ушел сюда. Хотел грех свой замолить, да Господь не простил меня.

– Скажи, Федор, а где в Вологде живет Лука Марин?

– На окраине, у реки. Он дом новый поставил, амбары рядом. Так было, когда я уходил. Как сейчас, не ведаю.

– А если точнее, Федор?

– В гости к нему решил наведаться?

– Ты не спрашивай, Федор, а отвечай на вопрос. Раскаяние и помощь в поимке убийц тебе Господь зачтет.

– Найти дом купца не сложно. Там недалече храм новый. От него два или три двора.

– В Вологде не один храм!

– Не один. Будешь искать, найдешь. В Вологде Луку Марина знают.

– Понятно. Ты грамотный?

– Откуда?

– Тогда я сейчас запишу твои показания, игумен их прочтет, ты вместо подписи палец приложишь.

– Ты поспешай. Чую, конец близок, а мне еще исповедоваться надо.

– Успеем.

Ургин заполучил письменные показания Федора Курилина и отправился на отдых.

Вечером того же дня, после нескольких часов тревожного сна, князь пришел в келью настоятеля монастыря и сказал:

– Завтра, Филипп, я уезжаю!

– Я даже знаю, куда ты собрался.

– И куда же?

– В Вологду, за Лукой Мариным.

– Верно. Если уж взялся за расследование, то надо довести его до конца. Коли не смогу доставить к Ивану твоего послушника, то привезу торговца. Он небось побольше знает.

– Отчего государь не приказал задержать князя Ростова?

– Тот сбежал в Литву. Видимо, почуял опасность или выполнил наказ княгини Старицкой.

– Понятно. А Федор, послушник, помер! Час назад как преставился. Исповедовался и испустил дух.

– Избавился от страданий. А ведь его вины в смерти царевича Дмитрия нет.

– Он считал иначе.

– И чего столько лет хранил в себе тайну? Вернулся бы в Москву да покался. Иван простил бы его.

– Не смог!

– Не смог, – повторил Дмитрий и продолжил: – Я вроде хорошо знаю царя, а не пойму, почему он Ефросинью терпит? Великая княгиня Елена быстро разобралась со Старицкими. Кого на смерть, кого в темницу. Иван же не только освободил Ефросинью и Владимира, но и вернул им все. А что он получил взамен? Стоило царю заболеть, как Ефросинья тут же подняла бояр против него и наследника. Иван опять простил ее. Неужто и на этот раз, получив доказательства вины Ефросиньи в смерти сына, тоже проявит милость?

Филипп поднялся, прошелся по келье.

– Знаешь, Дмитрий, что мне Иван сказал, когда мы наедине беседовали?

– Коли не тайна, расскажи.

– А сказал Иван, что того, кто строит козни против него и царской семьи, он не винит и казни предавать не станет. Смерти заслуживает лишь тот, кто пойдет против своей родины, изменит присяге, нанесет вред государству. Вот того он казнит, не задумываясь.

– А разве убийство наследника престола не является государственным преступлением? Разве княгиня Старицкая не замыслила воспользоваться болезнью Ивана, совершить переворот и посадить на трон своего сына?

– Но переворота не произошло. А что касаясь сына, так Иван пуще всех остальных в его смерти себя винит.

– Старицкие все одно ответят. Долго с огнем играть нельзя, сгоришь. Так и княгиня Ефросинья Андреевна. Только не станет ли слишком высокой цена ее заговорам? Безднаказанность к добру не приводит.

– Равно как и неоправданная жестокость.

– То-то и оно, что неоправданная жестокость недопустима. Тут я с тобой, Филипп, согласен полностью. Но коли карать по делу, по закону, справедливости, совести, то не только можно, но и должно. Иначе порядка не будет. А без порядка и веры Русь обречена на гибель. Таково мое мнение, и оно непоколебимо. За то стоим, Филипп, и стоять будем, покуда силы есть! Но я, наверное, тебя утомил. Пойду! Мне еще с ратниками совет держать.

– Я не устал, – ответил Филипп. – Но коли у тебя еще дела, то ступай, и Бог тебе в помощь.

– До завтра, Филипп.

– До завтра, Дмитрий.

Ургин собрал своих ратников за стеной монастыря и объявил:

– Возвращение в Москву откладывается. Послушник, ради которого мы прибыли на Соловки, скончался. Я успел с ним поговорить. Он подтвердил, что царевич погиб в результате подлого заговора. Его показания у меня. В злодействе принимал участие вологодский купец Лука Марин. Руководил же подготовкой убийства князь Ростов, который успел бежать в Литву. Купец же должен был остаться. Вот мы и захватим этого купца. Не смогли доставить государю послушника, то привезем Марину. Поэтому завтра же отправляемся в Вологду.

Спустя две недели отряд московского князя прибыл в Вологду. Ургин рассчитал путь так, чтобы небольшая конная дружина с обозом из двух саней подошла к городу затемно. Он оставил основную часть отряда в лесу и въехал в Вологду вместе с Петром Лемехом, Ефимом Ушатовым и Алексеем Белым.

В это время поднялась пурга, и улицы быстро опустели, что было на руку князю. Новый храм они нашли быстро. Возле него встретили нищего, кутавшегося в рваный тулуп, прятавшегося от ветра и снега у церковной паперти.

Заметил его глазастый Белый.

– Глянь, князь, кто-то у паперти затаился. – Он указал на темный сгорбленный силуэт у церкви.

– Веди его сюда!

Белый подъехал к храму, и вскоре пред Ургиним предстал мужик неопределенного возраста со спутанной бородой, дрожащий от холода и кутающийся в рвань.

– Ты кто? – спросил Ургин.

– Я-то местный. А кто вы такие будете? Что-то я вас тут не встречал.

Князь проигнорировал слова нищего и продолжил допрос:

– Местный, говоришь? А как до жизни такой докатился?

– Тебе до этого какое дело?

– Мы люди православные, должны помогать друг другу. Я хочу это сделать, но до того должен убедиться, что предо мной несчастный человек, а не тать, разбойник, лиходей.

– Это я-то лиходей? Еще два года назад у меня были и дом, и семья. Жена Анюта, сын Степка, дочь Лиза. Дело свое было. Из купцов я. Был. Да вот только на беду свою пошел против Луки Марина. Тот торговлю расширял вместе с князем Ростовым. Подворье мое, амбары да суда им приглянулись. Предложили продать, а цену дали низкую. Но дело даже не в ней. Все одно не продал бы, потому как дело от отца получил, а тот – от деда. Наследственное это у нас. Я и сам торговал с прибытком, думал, вырастет сын, ему все передам, сам отдыхать буду в тепле и сытости. Да просчитался. Недооценил князя и Марина. Думал, поторгуются и отстанут, ан нет! Лето в позапрошлый год выдалось жарким, сухим. То там, то здесь вспыхивали пожары, лес горел. Вот однажды ночью полыхнул и я. Вспыхнуло все сразу. И дом, и амбары с товаром, и причал, и суда. Я в отъезде был. А как вернулся, так чуть с ума не сошел. Нету ничего. Было и нету. Сгорело все. И семья. Жена Анюта, сын Степка, дочь Лиза. Все потерял. Наложить руки на себя хотел, да батюшка отговорил. А покуда я занимался похоронами, Лука Марин каким-то путем, скорее всего, чрез князя Ростова, земли мои забрал. Наместник грамоту ему выдал, что, мол, теперь он владеет тем, что было моим. Вот и стал нищим. – Мужик сплюнул на снег.

– Как звать-то тебя, несчастный?

– Михайло Шутов. А что?

– Челобитную на беззаконие купца, князя, наместника подавал?

Бывший купец удивленно усмехнулся.

– Кому?

– Царю! – ответил Ургин.

– Эка ты завернул, добрый человек. Где мы и где царь? Кто же мне тут позволил бы челобитную на самого наместника подать? Все под ним. А сам поехал бы в столицу, так дальше ближнего леса не ушел бы. Прибили бы люди того же Ростова.

– Но он бежал в Литву!

– И это тебе известно?

– Известно!

– Он бежал. Почему, никто не ведает. А наместник-то и людишки его в городе остались. Да и Лука, будь трижды проклят весь его род, теперь высоко поднялся. Не у меня одного земли да торговлю отнял.

Вперед выступил Петр Лемех.

– Чего же ты, узнав, что купец Марин уничтожил твою семью, не убил его тут же? Испугался? Конечно. На паперти с протянутой рукой сидеть покойней, нежели мстить обидчику! Какой же ты после этого мужик?

– А ты, воин, не лайся, не разобравшись.

– Я тебе что, пес какой, чтобы лаяться? – возмутился Лемех.

Его прервал Ургин:

– Угомонись, Петр. Помолчи. – Князь посмотрел на Шутова. – А ты отвечай, почему простил разбойникам убийство семьи?

– Простил? Как же! Такое не прощается. После похорон собрал своих работных людей и повел их к Марину. Только до подворья мы его и дошли. Стража наместника разогнала людей,

а меня связали да затащили во двор Луки. Он приказал собак спустить. Те так меня потрепали, что еле оклемался. Раздеться да показать, что со мной изверги сделали? Живого места на теле нет. Показать?

Ургин мрачно сказал:

– Не надо. Верю! Значит, за Луку стража наместника вступилась?

– Не она, я этого ирода удавил бы.

– Но сейчас Ростова нет, наместник сменился, в городе учрежден суд. Почему ты права свои не отстаиваешь?

– Видать, издалека ты приехал, добрый человек. Бояре меняются, а все как было, так и остается. Это в Москве да в ближних к ней уделах порядок, а тут закон другой, боярский. За ними сила.

– Еще посмотрим, за кем сила. А ты-то чего у паперти в пургу сидел? Жить негде?

– Есть изба недалече, но жить не хочется. Прошлой ночью супруга приснилась, да так, будто и не сон был, а явь. Спросила меня Анюта: «Что ж ты, Миша, маешься-то на этом свете? Иди ко мне, к детишкам. У нас хорошо». Проснулся, и так худо мне стало, сил нет. Весь день вино пил, а под вечер решил, пойду к храму, помолюсь, да и останусь. Ночи холодные, усну и не проснусь. А тут вы, так и не сказавши, кто такие будете и что вам в городе надобно.

– А мы как раз к Луке Марину и направляемся.

– Так вот кому я жалился! Что ж, коли вы друзья Марина, так не дайте греху случиться, убейте!

Ургин спрыгнул с коня, подошел к Шутову.

– Ты не понял, Михайло. Я князь Ургин, прислан из Москвы. Нужен мне Лука Марин, чтобы доставить его к государю. Эта собака не только пред тобой виновата, но и пред самим царем.

– Да ты что? – От удивления Шутов раскрыл рот.

– Покажешь, где его подворье?

– Так оно тут, рядом. Вон третий дом за высокой городьбой, справа.

– Вижу. Охрану Марин держит?

– Какую охрану? Так, двое работников время от времени обходят усадьбу. Зачем Марину стража, коли, если что, его наместник защитит? А ты и вправду князь Ургин?

– Да.

– Дмитрий Михайлович?

– Что, слышал?

– Приходилось. А верно, что ты вхож к самому царю?

– Верно.

– Тогда, может, и за меня заступишься?

– Что, пропало желание помирать?

– Жить хочу, коли так все обернулось. Не иначе Аня меня к храму привела, чтобы я с тобой встретился. Только вот что, князь, охраны у Марина нет, но есть стража наместника. А в ней побольше ратников, чем у тебя.

Ургин усмехнулся.

– О чем ты, Михайло? Наместник не подчинится царскому посланнику? Да государь с него за это голову снимет.

– Ага! Если этот наместник следом за Ростовым к немчинам не убежит.

– А ведь Шутов прав, князь, – проговорил Ушатов. – Наместник не станет ждать царского суда. Сбежит гаденыш. Хотя, конечно, еще неизвестно, кто кого возьмет – стража местная нас или мы ее.

– Нам ли отступать, Ефим?

– Так я ничего! Мне не впервой бой принимать.

– Послушай, князь! – подал голос Шутов. – Я думаю, надо народ поднять. Тогда наместник ничего сделать не сможет.

– Бунт устроить?

– Не сейчас, а коли Марин успеет человека за помощью к наместнику послать и стража против вас выступит. А мужиков я быстро подыму. За царского-то посланника князя Ургина!

– Думаю, обойдемся без этого. Но ты давай с нами. Придется пехом, лишнего коня у нас нет, но тут недалеко, заодно и согреешься.

– Да обо мне не беспокойся, не отстану.

Ургин вскочил на коня.

– Третий дом справа. Действуем жестко. Вперед!

Отряд Ургина подъехал к массивным воротам усадьбы купца Марина. От конников не отстал и Шутов, державшийся чуть в стороне.

Ургин приказал Белому:

– Стучи, Лешка, да погромче!

Белый ударил в ворота.

Изнутри послышался недовольный голос:

– Это кто тут шумит? Ополоумел, не знаешь, чей дом?

– Знаю, – ответил Ургин. – Открой, гости к хозяину приехали.

– Что за гости еще?

– Открой ворота, узнаешь!

– Я открою, но коли что не так, то собаки у нас злые. Разорвут в клочья.

Ургин взглянул на Лемеха.

Петр без слов понял команду князя и кивнул.

Ворота приоткрылись, Лемех схватил работника купца за ворот тулупа и вытащил на улицу. Увидев четверых воинов на конях, а поодаль Шутова, парень струсил.

– А... кто вы?

Дмитрий нагнулся к нему.

– Я же сказал, гости к хозяину.

– Так надобно доложить Луке Авдеевичу. Он вроде еще спать не ложился. Недавно выходил во двор.

– Не надо никому ничего докладывать. Пусть наш приезд станет подарком для Луки Марина.

– Но...

Со двора раздался голос второго работника:

– Митяй, ты чего за ворота вышел? Али полюбовница прибежала?

– Нет, скажешь тоже, Степан, – ответил Митяй, глядя на клинок, который приставил к его груди Петр Лемех. – Какая полюбовница?

Ургин проговорил:

– Сделай так, чтобы Степан тоже вышел.

Парень кивнул и крикнул:

– Степа, поди сюда!

– Чего это?

– Да тут мужик какой-то подъехал, говорит, родственник твой.

– Чего? Какой еще родственник? Откуда?

– Из Кержача.

– Какого еще Кержача?

– А я знаю! Твой родственник, ты и разбирайся!

– Что за напасть?

Ушатов и Белый прыгнули с коней, встали у ворот.

На улицу вышел бородач с дубиной в руке.

– И где тут?..

Но договорить он не успел. Белый ударом кулака сбил его с ног, скрутил веревкой и заткнул рот кляпом. Митяя привязали к Степану.

Белый поднялся.

– Все в порядке. Пусть сторожа немного отдохнут.

– Не замерзнут? – спросил Ургин.

– В этих-то тулупах? Да и мы, надеюсь, долго не задержимся. После в сарай их оттащим.

– Узнай у молодого, Леша, кто, кроме Марина, сейчас в доме.

– Ага!

Ратник Ургина склонился над парнем, быстро с ним поговорил, поднялся и доложил:

– А мы вовремя заглянули к купцу. Он с утра семью к родителям жены отпустил и сейчас, коли верить Митяю, сидит в доме один. Работники разошлись. Будут утром, да и то, если пурга угомонится.

– Не врет Митяй?

– Нет, князь! Я его предупредил, что отрежу глупую башку. Он испугался, аж затрясся.

Поклялся, что правду сказал.

Подошел Шутов.

– Князь, тут их оставлять не след. – Он кивнул на Митяя и Степана. – Мало ли кто пойдет по улице. Увидит их, развяжет. Они сразу за помощью побегут.

Ургин отдал команду:

– Лешка и Ефим, занесите сторожей во двор. Да ворота прикройте. Коней тоже внутрь и на привязь.

Как только закрылись ворота, Ургин приказал:

– Лемех, остаешься здесь, Ушатов за дом, в сад. Белый со мной!

Шутов, находившийся рядом, попросил:

– Князь, позволь пойти с тобой!

Ургин внимательно посмотрел на него и сказал:

– Пойдем! Но гляди, Михайло, бросишься на купца, я сам рубану тебя саблей. Марин нужен нам живой! Ты понял меня?

– Понял, князь. Я только в глаза его посмотрю, когда он поймет, что пришло время отвечать за преступления.

Ургин с Алексеем Белым и Михаилом Шутовым вошли в дом. Купец Лука Марин сидел в горнице за столом, перед ним стояла чаша. Марин был пьян.

Он поднял осоловевшие глаза и рявкнул:

– Что за черт? Кто такие?

– Встречай гостей, Лука Авдеевич, – ответил Белый.

– Каких гостей? Кто позволил вам зайти в дом? Эй, стража!

– Ты не ори, купец, нету у тебя стражи, и нам позволения спрашивать не надо.

Дмитрий вышел вперед.

– Я князь Ургин, царский посланник. Пришло время, купец, отвечать за все свои преступления. Особенно за участие в убийстве царского наследника младенца Дмитрия. Уж за него царь с тебя, собака, по полной спросит. Да и за убийство семьи Шутова.

Только сейчас Марин увидел соседа, вышедшего из-за спины князя. Он побледнел, сразу же протрезвел, дико, по-звериному зыркнул на пришедших, почувал, что за ним пришла смерть. Мозг купца пронзила мысль о бегстве. Удастся вырваться из подворья, значит, проживет еще, а не выйдет, так все одно не жить. Царь не простит ему убийство Дмитрия.

Он опустил глаза.

– Твои обвинения, князь, напрасны. Все скажут, что когда погиб царевич, я был здесь, в городе. Князь Ростов прислал ко мне своего человека, чтобы оповестить Старицкую о гибели младенца. За это с него и спрашивайте. Я всего лишь выполнил просьбу вельможи, о заговоре ничего не знал. Да и насчет семьи Шутова я ни при чем. Он сам спьяну подпалил подворье. Вот и погорело все. Погибли его жена, сын и дочь. По тому делу велось следствие, и виновником был объявлен Шутов. Его земли я получил по закону. Так что напрасны твои обвинения, князь Ургин.

– Это все ты в Москве расскажешь. Собирайся, поедешь с нами!

– А наместник о вашем приезде знает?

Ургин повысил голос:

– Ты плохо понял меня, пес? Сказал, собирайся, на Москву поедешь, там с тобой разбираться будут! – Дмитрий повернулся к Белому и тем самым совершил ошибку.

Оправдываясь, купец незаметно, медленно вытянул саблю из ножен, прислоненных к скамье. Когда Ургин с Белым на мгновение отвлеклись, он опрокинул пред собой стол, вскочил и занес саблю над Дмитрием.

Михайло Шутов крикнул:

– Князь! – Он бросился на Марина и принял на себя удар.

Белый же развернулся и врезал купцу кулаком прямо в физиономию. Марин сбил лавку, отлетел к печи и завалился на бок. Тело его пробил судорога.

Ургин бросился к Шутову, но помочь Михайлу уже не мог никто. Из рассеченной шеи на пол стекала черная кровь. Шутов хотел что-то сказать, но не смог. Кровь пошла ртом.

Князь поднялся.

– Погиб Михайло, Лешка.

– Если бы не он, то удар Марина достался бы тебе, князь.

– Да! Оплошали мы, Лешка.

– Кто же знал, что купец на драку решится и что у него под столом сабля?

– Брать его следовало без разговоров, вязать да выгаливать из дома. Это моя вина, что погиб Шутов.

– Не вини себя, князь. Михайло сам искал смерти и погиб как воин. Теперь встретится на небесах со своей женой Анной и с детишками.

Ургин вдохнул, нагнулся к телу Шутова.

– Спасибо тебе, Михайло. Прости!

Дмитрий закрыл ему глаза, поднялся и приказал Белому:

– Вяжи собаку Марина и выгаливай во двор. Я пойду дам команду, чтобы сани нашли да запрягли коней. Не тащить же эту тварь на себе!

– Да, князь.

Ургин дошел до двери, и тут Белый окликнул его.

Дмитрий повернулся.

– Что?

– Тут тоже вроде промашка вышла.

– Ты о чем?

– Да Марин-то мертв.

– Что?

– Угу! Видать, ударился башкой обо что-то. Волосы все в крови.

– Да что же это такое? Были два свидетеля, и тех потеряли. Ладно послушник, но Марин!..

Его мы обязаны были брать живым.

– Что ж поделать, князь. – Белый вздохнул, осматривая свой пудовый кулак. – Так уж вышло. Но правду-то мы узнали.

– Узнали, Лешка, мы многое, да только подтвердить ничего не сможем. А государю нужны доказательства. Опять враги царя уйдут от возмездия. В этом наша вина.

– Ничего, рано или поздно попадутся. Княгиня Старицкая не успокоится, покуда жива. Она ненавидит Ивана и только сына своего видит на престоле. Значит, и дальше будет строить козни государю. Но сколько ниточке не виться, а конец все одно наступит.

– Ладно, делать нам здесь нечего. Надо уходить.

– Михаила Шутова оставим?

– Не в лесу же его тайно хоронить.

– Так обвинят Михаила в убийстве Марина.

– Ему уже все равно. Но правда дойдет до людей. Те же Митяй со Степаном расскажут, как все было, и похоронят Шутова по-христиански.

– Может, дом обыщем, князь? Глядишь, и найдем чего-нибудь интересное.

– У нас нет времени. За ночь надо уйти как можно дальше.

Вскоре они покинули Вологду, соединились с людьми, оставленными за пределами города, и двинулись в обратный путь.

По возвращении в Москву князь Ургин, не заезжая домой, направился в Кремль. Стража пропустила его во дворец. Дмитрий вошел, низко поклонился и заметил незнакомого человека малого роста, находившегося при царе.

Иван вышел навстречу Ургину.

– Ну, здравствуй, Дмитрий.

– И тебе, государь, здравствовать, – ответил Дмитрий.

– Да ты проходи, присаживайся.

Иван сел в кресло, Ургин – на скамью.

– Как поездка на Соловки?

Дмитрий посмотрел на незнакомца.

Царь сказал:

– Это дворянин Григорий Скуратов-Бельский, за малый рост прозванный Малютой. Его мне князья Захарьины представили, посоветовали взять на службу. Интересные вещи поведал мне Малюта. Оказывается, благочестивый наш протопоп Сильвестр – желанный гость княгини Ефросиньи Старицкой. Встречаться с ней он старается скрытно. После таких разговоров Сильвестр собирает ближних бояр из Избранной рады, чаще всего Алексея Адашева да Андрея Курбского. Раньше он общался и с князем Семеном Лобановым.

Ургин спросил:

– И откуда это известно Малюте? Он что, следил за Сильвестром? По чьему, позволю узнать, государь, велению?

– Малюта следил не за Сильвестром и даже не за княгиней. По своей воле. Он имеет обиду на людей Старицких. Они в свое время при попустительстве князя Андрея надругались над его сестрой. Княгиня при этом тоже присутствовала. Насильничали девицу двое. Один помер, другой жив и по сей день служит у Ефросиньи. За ним охотился Малюта. Отомстить хотел. Свидетелем встреч Сильвестра с княгиней он стал случайно. Я прав, Малюта?

– Да, государь! Только ты не сказал о том, что говорил поп, выходя от княгини во время твоей болезни.

– Скажи, Малюта!

– Мол, теперь уже как Бог даст! Владимиру Старицкому князю надо держаться крепче. Царь при смерти, бояре младенцу и опекунам его, Захарьиным, служить не желают. Но если Владимир примет царский титул, то будет другое дело. Потом он еще что-то сказал, но я того не слышал. Напоследок княгиня спросила: «А ты-то сам, Сильвестр, пойдешь за сыном?» Поп ответил, что пойдет. Новому царю свой митрополит нужен.

Царь поднялся.

– Ты слышал, Дмитрий? Получается, что Сильвестр и взаправду заботится не о судьбе государства, а о своем положении.

– Прежде ты не верил в предательство Сильвестра, а сейчас послушал этого человека? – Ургин указал взглядом на Скуратова.

– Да, Дмитрий. Удивляешься? Я еще не знал Малюту, когда то, что ты сейчас слышал, мне подтвердил сам сын Ефросиньи, князь Владимир Андреевич Старицкий.

– Князь Владимир? – еще более удивился Ургин.

– Да! Я пригласил его во дворец. Сам он на престол не метит. Слаб для того, чтобы управлять государством, понимает, что бояре не дадут ему быть полновластным правителем. Мы поговорили. Владимир просил прощения за то, что отказывался присягать наследнику. Я простил. Более того, выдал ему грамоту, в которой князь Владимир объявляется опекуном царевича и законным наследником престола в случае его смерти. Та же грамота дает ему неприкосновенность. Видел бы ты, как радовался Владимир. Я попросил его лишь об одном, чтобы он, в случае нового заговора Ефросиньи, сообщил о нем. Владимир согласился не раздумывая, услышал о том, что я обещаю прощение и его матери, и тут же поведал мне о ее тайных встречах с князем Лобановым-Ростовским, Ростовым, Сильвестром. Он уличил протопопа в двуличии, сознался, что Сильвестр действительно обговаривал с Ефросиньей собственное положение при вступлении на престол ее сына. Вот почему я поверил Малюте.

– Если так, то это другое дело, – сказал Дмитрий.

Царь повернулся к Скуратову:

– С этого дня, Малюта, ты служишь только мне. Понял?

– Благодарю за оказанную честь, государь. За тебя я готов на все!

– Все пока не требуется. Найдешь надежных людей?

– Да, государь.

– Найди и установи постоянное наблюдение за княгиней Старицкой, Алексеем Адашевым, Андреем Курбским и Сильвестром. Я должен знать все об их делах. Но так, чтобы вельможи об этом не догадывались. Иначе твоих людей и тебя самого ждет неминуемая смерть.

– Я понял, государь. Все исполню!

– Докладывать будешь лично мне.

– Но я не вхож во дворец!

– Захарьины проведут, если возникнет потребность.

– Понятно. Еще раз благодарю тебя, государь.

– Ступай, Малюта. Ты не словами, а делом докажешь свою преданность, либо возвысишься, либо окажешься на плахе. Другого не будет.

Скуратов поклонился и вышел из палаты.

Иван опустился в кресло.

– Вот такие дела, князь.

– Вижу, что Сильвестр, Адашев и даже Курбский потеряли твое доверие.

– Сами виноваты. Я считал их своими друзьями, верил как себе. А они? Вспомни приведение бояр к присяге царевичу Дмитрию. Я надеялся, что в критический момент Сильвестр и Адашев поддержат меня, и ошибся.

– Но Сильвестр и Адашев присягнули царевичу.

– Формально да. Но они не старались привлечь бояр на мою сторону. Отец Алексея, Федор Адашев прямо высказался в пользу Владимира. Только князь Владимир Воротынский да дьяк Иван Михайлович Висковатый встали за моего сына, сумели привлечь к себе некоторых бояр. Алексей Адашев и Сильвестр готовы были нарушить клятву и служить князю Старицкому. Царю Владимиру Андреевичу!.. Но это дело прошлое. Что же сейчас? Теперь они пытаются оказать давление на меня. Мол, я должен принимать решения не единолично, а только

с одобрения Избранной рады. Забыли, что я создавал ее как совет ближайших помощников. Вот тебе свежий пример. Буквально вчера Сильвестр и Адашев заявили мне, что не надо бы вести войну с Ливонией, следует обратить взор на Крым. Это в то время, когда татар успешно сдерживают лишь отряды казаков, Крым не готов к серьезной войне, а большинство русского войска выдвинуто на запад.

– Чем Сильвестр и Адашев обосновали свое заявление?

– Тем, что Русь издревле терпела унижения от татар. С ними и надо воевать, а вопрос с Ливонией можно решить путем переговоров. Да, с крымцами нам придется крепко столкнуться, но позже. А разве отказ Ливонского ордена от выплаты дани не унижение Руси? Нет уж, наши интересы лучше учитывать, нежели отвергать. Шах-Али, Глинский, Захарьин при поддержке войска князя Шестунова прогулялись по Ливонии, и там тут же было принято решение собрать деньги для расчета с нами, чтобы не допустить настоящей войны. Другое дело, удастся им это или нет. Больше никаких уступок рыцари не дождутся. Не выплатят долг до мая, наши войска пойдут на ливонские крепости и города. Пусть все увидят, что отныне с нами шутить не след. Себе дороже выйдет.

– Но Швеция, Польша, Литва наверняка выступят против нас.

– Пусть. Выступят, будем воевать и с ними! Я не исключаю, что не удастся решить вопрос так, как мне хотелось бы. Но мы обязательно заставим ливонцев и их соседей уважать нас и изменим соотношение сил. Впоследствии это поможет нам в противостоянии с Крымом. Но я совсем заговорил тебя. Ты же пришел с докладом. Извини, Дмитрий, я высказал то, что тревожит душу. Слушаю о поездке на Соловки. Что удалось узнать?

Ургин вздохнул.

– Это ты прости меня, государь! Узнать удалось много, да вот свидетелей добыть я не смог.

– Почему?

Дмитрий в подробностях рассказал о пребывании своего отряда на Соловках, а затем в Вологде.

– Вот так, государь! – заявил он. – Хоть казни, хоть милуй. Я привез только показания послушника Соловецкого монастыря Федора Курилина, скрепленные печатью игумена Филиппа. Больше никаких доказательств заговора добыть не сумел. Видимо, стар стал. Недооценил купца Марина, а должен был взять его сразу, без лишних разговоров.

– Не вини себя, Дмитрий. Слава Богу, жив остался. А мне и показаний послушника хватит, если придется вершить суд. Против княгини Ефросиньи многие выступят. Но сейчас не до нее. Благодарю за работу, князь Ургин. Отдыхай!

– Да, значит, я прав, действительно стар стал, раз государь отправляет меня на отдых, не определяя срока! Что ж, пойду домой, тихо помирать на лавке.

– И кто это говорит? Князь Ургин?

– Но ты же сам...

Иван не дал договорить Дмитрию:

– Я что сказал, князь? Отдохни с дороги, а потом приходи.

– Коли так, то ладно. До встречи, государь.

– Храни тебя, Господь, князь.

Сомнения русского царя в том, что Ливония сможет вовремя выплатить дань, подтвердились. Не видя смысла ждать, государь послал к Ивангороду мощную рать. Туда прибыли войска воевод Алексея Басманова и Данилы Адашева. Они окружили Нарву. После артиллерийского обстрела русские полки пошли на штурм города и овладели им.

После взятия Нарвы Иван Васильевич передал войскам идти на крепость Сыреньск. 2 июня она была осаждена. 5 июня к войскам подошло крупное подкрепление из Новгорода. После массированного орудийного обстрела Сыреньск был взят.

В середине июня войска воеводы Петра Шуйского подошли к крепости Нейгаузен. Воины рыцаря фон Паденорма более полумесяца отражали натиск русской рати. Крепость пала только 30 июня.

Покончив с Нейгаузеном, войска Шуйского осадили Дерпт (Юрьев). Город защищал гарнизон епископа Германа Вейланда. 11 июля артиллерия начала обстрел Дерпта. 15 июля Петр Шуйский предложил Вейланду сдаться. В результате переговоров 18 июля 1558 года Дерпт капитулировал.

За май – октябрь русские войска овладели двадцатью городами-крепостями, большинство из которых сдались добровольно. После этого рать царя Ивана ушла зимовать.

Этим воспользовался противник. В конце 1558 года Готхард Кетлер подвел войска к крепости Ринген. Малочисленный русский гарнизон держал оборону в течение пяти недель. Немцы сумели ворваться в крепость. Стрельцы вступили с превосходящим противником в рукопашный бой и все погибли. Но и Кетлер потерял около двух тысяч человек. Его войско отошло к Риге.

Получив известие об этом, Иван приказал срочно подготовить и провести зимний рейд. В январе месяце 1559 года войска князя Серебряного вошли в Ливонию. Они разгромили противника и, не встречая сопротивления, прошли по землям ордена. Русские полки захватили еще одиннадцать городов, дошли до Риги и сожгли флот, стоявший на рейде.

Иван IV предоставил Ливонскому ордену перемирие. За это время русские войска нанесли упреждающий удар по Крымскому ханству. Используя отсрочку, ливонцы проникли в окрестности Юрьева. Однако, несмотря на численное превосходство, им пришлось отступить.

В 1560 году русские войска возобновили боевые действия и провели ряд успешных операций. Был взят Мариенбург, захвачен Феллин. Это привело к распаду Ливонского ордена.

Талантливый полководец и прозорливый политик Иван Грозный прекрасно понимал и правильно оценивал обстановку в Прибалтике, оттого и не изменил решения вести войну до достижения поставленных целей. Русь готовилась к затяжной схватке с Литвой, Польшей и Швецией, а также с ордами крымского хана.

Глава 2

Боль и измена

*Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокий,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.*

М.Ю. Лермонтов

Ноябрь 1559 года от Рождества Христова выдался холодным и ветреным. Снега выпало мало. Он скоро растаял, оставил после себя разбитые дороги, грязь.

Царская повозка в сопровождении конного отряда стражников въехала в Кремль под вечер, 13 ноября, и остановилась у дворца. Царь соскочил с коня, подошел к повозке, в которой находились Анастасия и старший сын Иван, открыл дверцу. Царица полулежала на скамье, укрытой шубами. Она болела.

Царская семья вернулась из Можайска, куда ездила молиться в соборном Никольском храме о здоровье царицы. Иван долго стоял на коленях перед чудотворным образом Николая Угодника, и Господь услышал его молитвы. Любимой жене стало лучше. Но, как оказалось, на время.

Царица слегла перед самым отъездом из Можайска. Неведомая болезнь жгла ее плоть, лишала сознания. Когда недуг вроде отступил, царь приказал ехать на Москву.

– Ну, как ты, голубушка?

– Да, ничего, Иван. Только вот голова кружится да душно в повозке.

– Это тебя укачало. Сейчас на воздухе полегчает. Давай-ка я помогу тебе.

Анастасия качнулась, но твердая, крепкая рука мужа поддержала ее.

– Ничего, Настенька, стой, подыши свежим воздухом.

Няньки прибежали, забрали сына. Царь отпустил стражу и остался с супругой.

– Воздух какой чистый, – проговорила Анастасия. – Только зябко.

– Что ж ты хочешь, родная, зима в дверь стучится. Скоро снег выпадет, морозец ударит, народ горки ледяные наделает, весело будет.

Анастасия вздохнула.

– Весело, Иван, да только, видать, уже не для меня.

– Что ты! Вспомни, как я болел. Думал, помираю. Да и все так считали, особенно те, которые желали моей смерти. Но встал же! Вопреки всему поднялся, выздоровел. Так и с тобой будет. Хвороба помучает и отпустит.

– Ох, Иван, чувствую, не выздороветь мне. На душе страшно становится. Как ты, дети без меня останетесь? Иван, подбери им добрую мачеху.

Иван обнял жену.

– Перестань! Ты выздоровеешь.

Анастасия улыбнулась одними глазами.

– Все в руках Божьих.

Иван услышал тихие шаги, обернулся и увидел Скуратова.

- Это ты, Малюта? Чего крадешься как вор?
- Да я не крался, государь. С детства такая походка.
- У тебя дело ко мне?
- Есть что сказать, государь. Но могу и обождать, завтра зайти.
- Ты вот что, Малюта, дождись у палат, позову. Послушаю, коли есть что слушать.
- Да, государь. – Скуратов растворился в сгущающихся сумерках.
- Истинно как зверь дикий, – проговорил Иван.
- Не нравится мне этот Малюта, – заявила Анастасия. – Хитрый он какой-то, сам себе

на уме.

– Так твои братья посоветовали мне взять его на службу. Я так и сделал. Пока о том не жалею, а дальше видно будет. Ладно, пора домой, а то застынешь еще. Во дворце тепло, в трапезной стол накрыт. Кушанья разные.

- Не до трапезы мне, Ваня. Я, с твоего позволения, помолюсь да прилягу.
- Подкрепиться надо, Настенька, иначе с хворью не сладить.
- Не хочу, Иван!
- Воля твоя.

Государь и Анастасия поднялись во дворец. Там ее окружила прислуга.

Иван сбросил верхнюю одежду, прошел в палату, где собирались ближние бояре из Избранной рады, сел в кресло и приказал:

- Позвать ко мне Скуратова!
- Малюта Скуратов появился тут же и поклонился.

Иван раздраженно сказал:

- Да полно гнутья-то, Гришка!
- Так положено, государь. Иначе нельзя. Ты глава всему, а я кто? Твой верный холоп.

Поэтому мне положено выказывать тебе уважение. Да и всем остальным. Чтобы порядок был!..

- Значит, по обязанности уважение выказываешь, Малюта?
- Более от души. Коли ты мог бы не только книги заморские читать, но и души человеческие, то увидел бы, что верней меня у тебя людей мало.
- Ладно, садись на скамью, говори, чего хотел.
- Желая дать отчет по твоему поручению.
- Говори, Малюта!

Скуратов присел на скамью.

– На подворье у Старицких все тихо. Княгиня Ефросинья никого не принимает, сама выезжает из дома только в храм. Очень недовольна была, что ее сын принял твою милость. Люди слышали, как она ему сказала, что не опекуном он должен быть, а государем. Владимир ответил, что ты объявил его наследником. Княгиня только усмехнулась. Мол, жди престола, наследник. Только как бы тебе вместо трона на лобном месте не оказаться. В общем, повздорили они.

- Этого и следовало ожидать. Что еще?
- Сильвестр встречался с боярами вчера, на подворье князя Немого. Были там и Адашев, и князь Воротин и другие, всего пять человек. За столом разговорились. Воротин жалился, что ты, государь, очень обижаешь бояр и возвышаешь поместных дворян. Адашев все говорил о войне с Ливонией. Мол, Избранная рада уже и не совет для тебя.

– А что Сильвестр? – поинтересовался Иван.

– Тот, как всегда, ни нашим, ни вашим. Однако Адашева поддержал, сказал, что надо собрать думу, поставить вопрос о примирении с Ливонией и готовиться к войне с крымским ханом. Еще Сильвестр говорил, что твои дела ведут не к укреплению государства, а к его ослаблению.

- Вот как? – удивился Иван. – Как же священник объяснил подобные обвинения?

– Всего не знаю, – ответил Скуратов. – Мой человек не мог долго находиться у трапезной, но слышал, как Сильвестр сказал, что это за Русь православная, коли в присоединенных казанских и астраханских землях оставлено мусульманское вероисповедание? Если ханства вошли в состав Руси, то все их жители должны принять православную веру. А кто воспротивится, того гнать в степи, а мечети рушить.

Иван внимательно посмотрел на Скуратова.

– Ты, уверен, Малюта, что Сильвестр так и сказал?

– Передаю то, что слышал мой человек.

– А он напутать ничего не мог?

– В том, что речь об этом на сходе велась, ручаюсь. Я верю своим людям. Не мог мой человек такое придумать.

– Ладно! Значит, недовольны бояре моим правлением?

– Они недовольны тем, что ты не спрашиваешь у них совета. Но на то ты и самодержец.

Иван ненадолго задумался, резко встал.

– Недовольны! Как же! Москва впервые отступила от старых порядков. Государственные интересы теперь поставлены выше боярских. Это многим не по нутру. Но иному не быть, пока я на престоле...

Слова царя прервали крики из опочивальни:

– Ох, Господи, царица!.. Стража, кто-нибудь, лекаря сюда, быстрее!

Иван побледнел.

– Что это?

Вскочил с лавки и Малюта.

– Кажись, с царицей что-то!

Иван оттолкнул Скуратова и бросился в покои жены.

Анастасия лежала на полу, широко раскинув руки. Царь вспомнил, как его мать, уже мертвая, вот так же лежала на полу в этой самой комнате. Дрожь пробежала по его телу. Над Анастасией наклонились знаменитая знахарка Домна, перевезенная во дворец из города, и мужчина, которого Иван прежде не видел. Обслуга, плача, стояла рядом.

Иван, будто очнувшись, нагнулся к жене, но мужчина остановил его:

– Государь, твое присутствие только мешает. Прикажи прислуге открыть все окна и покинуть опочивальню. – Он говорил с заметным немецким акцентом.

Иван повиновался и отдал приказ. Окна раскрылись. Слуги перенесли Анастасию на постель и выбежали из опочивальни. Царица пришла в себя. Иван облегченно вздохнул. Домна продолжила ухаживать за ней, протирала лоб влажным полотенцем. Мужчина же отошел от постели.

Иван спросил его:

– Кто ты? Почему я раньше не видел тебя во дворце?

– Я лекарь, Курт Рингер. Родом из вольного имперского города Гамбурга.

– Немец?

– Да.

– Говори по-своему, я знаю ваш язык.

– Хорошо, государь.

– О том, как попал сюда, расскажешь позже. Сейчас отвечай, что с царицей? Почему она потеряла сознание?

– Твоя жена больна, государь.

– Знаю. Чем больна? Какой недуг поразил ее?

– Об этом сейчас сказать не могу, надо посмотреть, но...

– Что?.. – повысил голос царь.

– Нам надо поговорить. Не здесь!

– Сейчас царице ничего не грозит?

– Сейчас нет.

– погоди. – Иван подошел к постели жены. – Как ты, Настенька?

– Прости, перепугала всех.

– Да за что ты, голубка моя, прощенья-то просишь? Разве твоя в том вина, что захворала?

– Прогневала, видно, Господа чем-то.

– Это ты прогневала? Что же тогда о других говорить?

Анастасия взяла Ивана за руку.

– Не знаю, что со мной. Я словно провалилась в черную, глубокую пропасть.

Иван вздохнул.

– Я тоже видел ту пропасть во времена своей болезни. Ничего, родная, ты дома, с тобой Домна, она знает, что надо делать. Я отойду, потом вернусь.

– Да, государь. Домна дала мне какое-то снадобье. С него в сон тянет. Посплю я.

– И то верно. Во сне и хвороба быстрее проходит. – Государь взглянул на знахарку. – Смотри здесь, Домна. Коли что, зови. Да, может, тебе что надобно? Скажи, тотчас доставят.

– То, что надо, у меня есть. А что хотелось бы, то только Господь дать может.

– Бог милостив. – Иван прошел мимо Рингера и сказал ему: – Следуй за мной!

Они закрылись в царских палатах. Иван велел страже никого не пускать до особого распоряжения.

Он повернулся к доктору, устроившемуся на скамье, и заявил:

– Так о чем ты хотел поговорить со мной, Курт Рингер?

Лекарь осмотрел палату.

– Мы и здесь будем беседовать по-немецки?

– Да! И не спрашивай, почему так.

– Я и без этого знаю, что и каменные стены имеют уши.

– Говори, Рингер! – приказал Иван.

– Чтобы мой рассказ был понятней, начну с себя.

– Хорошо, я слушаю. – Иван устремил пронзительный взор на немца.

Рингер устроился поудобнее, расстегнул ворот рубахи, затем испугался этой оплошности, хотел поправить дело, но Иван махнул рукой.

– Пустое. Я слушаю!

– В общем, о себе. Я Курт Рингер, потомственный лекарь, родом из Гамбурга. Это порт на Северном море. Еще его называют Немецким.

– Я знаю, где стоит вольный город Гамбург.

– Прости, государь, волнуюсь.

– Приказать воды принести?

– Нет. Так вот, как я выучился, взял меня к себе на службу лекарем барон Альфред фон Хартманн. Редкой жестокости человек. У него была супруга Грета, молодая и прекрасная как весенний цветок. Ее семья проживала недалеко от города, в своем замке, и была богаче фон Хартманна. Не знаю, почему Грета вышла замуж за тирана, но точно не по любви. Альфред дружил с ее отцом, может...

Иван прервал Рингера:

– Мне подробности жизни барона неинтересны.

– Да, конечно. Но еще немного. Случилось так, что в один год умерли отец, мать и сестра Греты. Все состояние досталось ей, баронессе фон Хартманн. Несмотря на совсем нерадостную жизнь в браке, она была всегда приветлива, совершенно здорова и вдруг заболела, потеряла сознание прямо на пиру. Понятно, что барон велел мне лечить ее.

– У меня, Рингер, не так много времени.

– Я буду краток, государь. Я лечил Грету, как уж умел, приглашал своих учителей. Но все бесполезно. Она умерла в возрасте двадцати шести лет.

Иван напрягся и спросил:

– Между ее смертью и болезнью моей жены есть какая-то связь?

– Ты можешь казнить меня, государь, но я скажу правду. Признаки болезни баронессы и твоей жены одинаковы.

Царь крикнул:

– Ты хочешь сказать, что Анастасия обречена?

– Тебе не хуже меня ведомо, государь, что жизнь человеческая в руках Бога. Но я помню, что мой учитель приготовил лекарство для Греты, и болезнь начала отступать.

– Так почему тогда она умерла?

– Выздоровление жены помешало бы Альфреду фон Хартманну завладеть состоянием ее семьи, а он очень нуждался в деньгах.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я уверен, барон сознательно травил свою жену. Когда она пошла на поправку, он выгнал меня. Через месяц бедная Грета умерла. Барон вел разгульный образ жизни, часто устраивал пиры, разные забавы. Около него было много темных людей. А Грета мешала. На гулянки нужны средства, а фон Хартманн как раз и испытывал недостаток в них.

– Понятно! Но все это только твои домыслы.

– Нет, государь. После смерти жены фон Хартманн прожил недолго. Как-то на охоте его подрезал раненый кабан. Пред смертью барон покаялся, сказал, что это он убил Грету.

– Откуда тебе известно? Ведь это же великая тайна?

– Да, если бы каялся барон не прилюдно. В поле он умирал, там и каялся. Его последние слова слышали многие. В том числе и слуги, которых я знал. Через них мне стало известно о признании барона.

– Фон Хартманн заслужил смерть. Но ты говорил о чудесном лекарстве!

– Да, государь.

– Ты можешь его достать?

– Для этого надо ехать в Гамбург. Учитель мой умер, но остались его записи. В них есть и рецепт того снадобья. Имея его, изготовить лекарство недолго.

Иван задумался, встал, прошелся по палате.

– В Гамбург, говоришь? Тебе туда ехать не надо. Мне сообщили, что в Юрьеве проживает некая вдова Екатерина Шиллинг, весьма сведущая в лечении. Я передам приказ, чтобы воевода направил ее в Гамбург. Оттуда это сделать гораздо легче, а главное – быстрее. Тебе надобно сказать, кого ей найти и где взять рецепт лекарства.

– Хорошо, государь, я напишу, к кому следует обратиться госпоже Шиллинг. Но проедет ли она в Гамбург в нынешних условиях?

– Это уже не твоя забота. На столе бумага, перо. Пиши, кого и что искать в Гамбурге.

Рингер подчинился и вскоре передал царю лист.

Иван крикнул:

– Стража!

В палаты тут же ворвался Малюта Скуратов.

– Сам явился? Хорошо. Вот тебе письмо. Его надобно доставить в Юрьев, передать князю Курлятеву с приказом направить тайное посольство в Гамбург, найти названных в письме лекарей, у них взять то, что указано там же, и срочно доставить в Москву. В посольство включить и вдову Екатерину Шиллинг.

Скуратов вздохнул.

– Не выйдет, государь! Я о вдове. Она уже прибыла в Москву и завтра приступит к лечению царицы.

– Вот как? Тогда отправить посольство без нее. Но то, что написал лекарь, должно быть здесь! О том особо предупредить князя Курлятева. Гонца в Юрьев выслать сегодня же!

Скуратов поклонился.

– Не беспокойся, государь, все будет сделано так, как ты велел.

– Ступай!

Малюта удалился.

– Я тоже через немецких купцов постараюсь передать просьбу нужным людям в Гамбург, – сказал Рингер.

– Нет! – заявил царь. – Это дело надо сделать тайно.

– Хорошо, государь.

Иван присел в кресло.

– Ну а как ты, Курт Рингер, в Москве оказался?

– Ты сам посылал за мастеровыми людьми. Давно это, правда, было.

– Так тебя завербовал Ганс Шлитте?

– Да, почти двенадцать лет назад. Нас было четыре лекаря, изъявивших желание служить тебе. Мы вместе с Шлитте направились к Любеку, чтобы далее плыть в Ревель. Но там всех нас задержали местные власти. Ремесленник Ганц бежал, пытался сам пробиться в Московию. Не удалось. Его поймали и казнили. Меня послали в Нейгаузен. Там я и работал врачом до прихода твоих войск. Тридцатого июля русская рать осадила крепость. Рыцари фон Панденорма дрались отчаянно, и все же твои воины оказались сильнее. Рыцари сдались. Тогда весь город узнал о твоей милости. Русский воевода по твоему наказу позволил рыцарям уйти из крепости с честью. Это произвело сильное впечатление на горожан. Потому-то потом русским сдавались без боя многие крепости. Я обратился к воеводе с просьбой отправить меня в Москву. Князь Петр Шуйский принял меня радушно, и это тоже было непривычно. Немецкие вельможи не обращаются так с нами. Для них мы рабы. А на Руси другое дело. Я был отправлен сюда с первым обозом.

– Где ты сейчас живешь?

– Пока на подворье митрополита. Хотел бы построить свой дом, когда денег заработаю.

– Хочешь на Москве остаться?

– Да! В Гамбурге, на родине, я никому не нужен.

– Так будет. А выложите вместе с Шиллинг жену мою, так одарю по-царски. Дом быстро поднимешь. Только помогите Анастасии. Очень прошу. С подворья митрополита переезжай сюда, во дворец, чтобы всегда под рукой был.

Рингер поклонился.

– Сделаю все, что в моих силах, государь. Во дворце действительно удобнее будет.

– Человек, который заходил за письмом, позаботится о твоем обустройстве. Жалованье тебе будет назначено достойное. На Руси образованные люди живут в почете и достатке. Ладно, Курт! Мы теперь часто видеться будем. А слово мое крепкое. Что обещаю, то делаю. Ступай с Богом!

Курт Рингер поклонился и вышел из палаты.

Иван остался один. Рассказ немецкого лекаря произвел на него впечатление, хотя внешне царь виду не показал. Сейчас же он думал о том, кто мог стоять во главе заговора против единственного любимого им человека, супруги Анастасии.

В дверь постучали, и в палату вошел князь Ургин.

– Здравствуй, государь! Не помешаю?

– Что ты, Дмитрий, проходи.

– Вижу, печален ты.

– С Настей опять было плохо.

– Ты бы покой ей дал, не возил с собой. Чтобы хворь отступила, надобно время и покой. Отлежаться бы ей. А Домна отварами и мазями поможет. Она в этом деле знаток. Я слышал, что из Юрьева знахарка приехала.

– Да. Кроме нее и немец из Ливонии прибыл, лекарь.

– Ну вот, вылечат они Анастасию.

– Я в это верю. Вылечат, конечно, если та хворь поддается исцелению и кто-то не стремится убить мою жену.

– Откуда такие мысли, государь?

– А вот ты послушай, Дмитрий, что за историю поведал мне германский лекарь. Присаживайся на лавку.

Ургин так и сделал.

Иван повторил рассказ Курта Рингера, потом спросил:

– Что на это скажешь, князь Ургин?

– Поступку германского барона нет оправдания. Господь наказал его по справедливости. Но почему тебя так заинтересовал этот рассказ? Или имеешь подозрения, что Анастасию медленно изводят?

– А ты на моем месте думал бы так?

– Не знаю, – задумчиво проговорил Дмитрий. – А кого ты подозреваешь? Княгиню Ефросинью Старицкую? Но она вроде успокоилась, ведет затворническую жизнь, даже с сыном, князем Владимиром Андреевичем, почти не общается. Молится. Милостыню раздает. У меня на ее подворье есть человек, который много знает о делах княгини. Ничего интересного он не сообщает. Во дворце царица всегда под охраной, пища проверяется. Может, ты усугубляешь положение? А случай с немецкой баронессой всего лишь совпадение?

– Сам голову ломаю. Вопросов много, ответов нет, а предчувствие беды остается. Внутренний голос подсказывает, что кто-то помог Насте заболеть.

– Так она теперь ни с кем и не общается, кроме проверенных слуг, тебя да детей, изредка встречается с митрополитом.

Иван кивнул.

– Да, но это сейчас, когда болезнь стала явной. А до того? Прежде она часто беседовала с Сильвестром. Наш вездесущий протопоп ко всем подбирает ключик, желает быть хорошим. Коли кто и вызвал болезнь, то только он, священник Сильвестр, потому как больше некому. Да, это предположение, не имеющее доказательств. Но княгиня Ефросинья ненавидит мою семью. Сама она ничего сделать не может. Владимир слаб, по крайней мере сейчас. Возможно, в будущем он еще покажет зубы, но покуда от него вреда не более, чем от мелкой мыши. Сильвестр же другое дело. Ему только власть и нужна. Он хочет, чтобы без него ничего не решалось. Благовещенский поп умеет быть своим для всех. Как только он понял роль Адашева в государственном управлении, так сразу же сдружился с ним. Алексей же другой человек. У него совсем иное отношение к земным благам. Для отца он выхлопотал боярский чин, сам же стал окольничим. Вместе с титулами они получили земли. Алексей постепенно сделался влиятельным членом Боярской думы.

– Но, государь, ты жаловал Алексея Адашева и титулами, и землей, вознес Сильвестра, сделал этих людей своими первыми советниками и помощниками.

– Я, Дмитрий! Но и они принесли немало пользы. Вспомни преобразования, которыми руководил Алексей, благотворное влияние Сильвестра на удельных вельмож, враждующих между собой. Вот только, как это нередко бывает, со временем и Сильвестр, и Адашев возомнили себя незаменимыми. Они решили, что могут влиять на меня, заставить принять любые решения. Сильвестр и Адашев пользовались приязнью царицы Анастасии. Она отвернулась от них, когда эти, казалось бы, самые верные люди, по сути предали меня.

– Ты насчет присяги Дмитрию?

– Да!

– Но и Адашев и Сильвестр приняли ее в числе первых.

– По холодному расчету, Дмитрий. Приняв присягу, они готовили себе места и при Владимире Старицком. Но об этом уже много сказано. Не желаю вспоминать. И так, Сильвестр до моей болезни часто беседовал с Анастасией. Вот тогда он мог подсунуть ей отраву, которая начала медленно изводить ее. Но тогда Сильвестру это было не нужно. Да и Ефросинье тоже. Господи, помоги мне понять неведомое, спаси и сохрани мою жену.

– Не отчаивайся так, государь, вспомни, сколько испытаний посылал тебе Господь. Ты выдержал их достойно, с честью. Так же будет и на этот раз.

В палату неожиданно без стука вошел протопоп Сильвестр.

– До меня дошла весть, что Анастасия слегла...

Иван повысил голос:

– Ты, поп, к себе домой пришел или в царские палаты? Может, для тебя все едино? Что лавка в доме, что трон во дворце?

– Не то ты говоришь, царь. Ты бы лучше подумал, за что Господь накладывает на тебя такие наказания. – Сильвестр трижды перекрестился на икону. – Но это я тебе и сам скажу. Советников, заботящихся только о твоём могуществе, ты гонишь от себя как псов. По совету Захарьиных-Юрьевых набрал каких-то темных людишек, они для тебя теперь советчики. От верных людей отворачиваешься. За это Бог и наказывает тебя болезнью жены.

– Что? – вскричал Иван. – Да как ты смеешь, поп, разговаривать со мной в таком тоне? Вконец обнаглел?

– Вот! – протянул Сильвестр. – Взыграла гордыня. Я всегда правду в глаза говорил. Или забыл нашу первую встречу? Тогда ты слушал меня, теперь и на порог не пускаешь. Насплетничали тебе людишки Скуратова, а ты и поверил. Им, кого и знать-то не знаешь, а мне – нет. Тогда скажи, зачем я тебе?

Иван поднялся.

– И то правда, зачем? Завтра с утра тебе и Алексею Адашеву быть здесь! А сейчас видеть тебя не хочу. Пошел вон!

Сильвестр побагровел и вышел из палаты.

Иван посмотрел на Ургина.

– Видал, Дмитрий? Это же насколько надобно уверовать в собственную значимость, чтобы ко мне в палаты как в лавку торговую являться, да еще и поучать, что я должен делать.

Ургин вздохнул.

– И видел, государь, и слышал. Не пойму только, что это на Сильвестра нашло?

– Теперь это не важно.

– Прости, Иван Васильевич, могу я знать, почему ты на завтра священнику и окольникову встречу назначил?

– Знаешь, что мне говорил Вассиан Топорков? Не слушай бояр, власть в своих руках держи, только тогда на троне крепко сидеть будешь. Еще он советовал никого, кто умнее меня, и близко не подпускать. Но тут я с ним не согласен. Мне, напротив, умные люди надобны. Льстецов да дураков хватает, а таких мало. Честных, не тщеславных и того меньше, по пальцам пересчитать можно.

– А вот здесь с тобой не соглашусь я. Умных, честных, неподкупных бояр да дворян много. Только не видно их. Они не лезут на глаза, не пытаются угодить, быть замеченными. Просто служат своей родине, царю, крепят нашу православную веру. Видят в этом свой долг и исполняют его незаметно. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Надоел мне Сильвестр, а с ним и Алешка Адашев. Я их возвысил, я на них и опалу наложу! Не быть им ни в Кремле, ни на Москве. Так же, как и Избранной раде!

Князь Ургин покачал седой головой.

– Уверен ли, государь, что поступаешь верно?

– Они, Дмитрий, сами не оставили мне выбора.

– Но пред тем как подвергнуть опале, ты должен предъявить им обвинения.

– Они на суде предъявляются. Мне есть в чем обвинить их, но вряд ли и Сильвестр и Адашев захотят боярского суда. Да и мне он не нужен. Я не забываю плохого, Дмитрий, но и хорошее помню. Что ни говори, а и Сильвестр и Алексей Адашев для пользы Руси многое сделали. Их беда, как Шуйских и Глинских в свое время, состоит в том, что они решили служить выгоде, а не своей родине. В том их беда и, если хочешь, преступление пред народом. Выступай они открыто лично против меня, ничего, пережил бы. Поставил бы их на место, и все пошло бы по-прежнему. Но Сильвестр и Алексей, как это ни печально, стали теми же Шуйскими или Глинскими. Они начинали перемены, стремились уничтожить влияние на государя бояр, потерявших всякую совесть, но сами превратились в тех бояр. Я не снимаю своей вины в том, что наши пути, так славно начинавшиеся, разошлись, отвечу за все свои дела пред Господом. Но потакать своим советникам, теперь уже бывшим, не намерен. Их место займут другие люди, те самые, о которых говорил ты, князь Ургин. Кстати, что-то давно я не видел твоего сына Алексея.

– Он больше в Благое. На Москве бывает редко.

– Это в то время, когда у нас дети боярские дружинами командуют?

– Так ты обошел вниманием мою дружину. Отдал бы приказ, Алексей тут же возглавил бы ее и повел туда, куда надо. Мои воины хорошо вооружены, обеспечены всем необходимым, у каждого по два коня, обоз свой с порохом, провиантом. Люди имеют опыт войны, а молодежь прошла усиленную подготовку. Мы за тебя всегда готовы драться с любым врагом, внешним или внутренним.

Иван улыбнулся впервые за этот день.

– Да знаю, князь Ургин. Пока ты следствие учинял на севере, я знал, что твоя дружина в готовности на Москве стоит. Как и о том, что она собой представляет. Потому и оставил в городе ее, а также рать княжича Головина. Причины, объяснять, думаю, не стоит.

– Не стоит, государь.

– Не обиделся на меня?

– Что ты, государь. Нет, конечно.

– Ну и славно. Ступай, Дмитрий, к семье своей, внукам. А я к Анастасии пройду, она, наверное, уже проснулась. Побуду с ней.

– Да, государь. Ей сейчас твоя поддержка и любовь нужны больше любых снадобий.

– Знаю, Дмитрий! А княжича Алексея, сына своего, как вернется из Благоего, пришли ко мне. Пора и ему на должность определиться. Думаю сделать его главой дворцовой стражи.

– Пришлю.

– Иди и передай там прислуге, чтобы ко мне никого больше сегодня не пускали.

– Слушаюсь, государь. Желаю царице скорейшего выздоровления.

– Благодарю. До свидания.

– До встречи.

В 10 часов утра 14 ноября 1559 года в палату заседаний Избранной рады вошли священник Сильвестр и окольный Алексей Адашев. Первый из них выглядел мрачно, второй – несколько растерянно.

Иван вопреки обычаю встретил своих ближних советников молчаливой холодностью. Он откинулся на спинку кресла, присесть им не предложил.

Царь дождался, пока оба советника поклонятся, и проговорил, глядя на Сильвестра:

– Что, советник, сегодня спеси поубавилось? Вчера ты смелее со мной разговаривал. Может, прощения решил попросить?

– Нет, государь. Я ни в чем не виноват, чтобы просить прощения.

- Значит, ты так ничего и не понял. Что ж, пусть так.
- Позволь, государь, удалиться в Кирилло-Белозерский монастырь.
- Грехи отмаливать?
- Повторяю, я ни в чем не виноват.
- Даже самый кровавый злодей редко признается в своей виновности. Хочешь в монастырь? Езжай! Откуда появился, туда и ступай.

Сильвестр, видимо, ожидавший сурового наказания, воспринял слова царя с явным облегчением.

- Я буду молиться за тебя, государь.

Иван усмехнулся.

- Ты о спасении собственной души беспокойся. Ступай с Богом!

Священник поклонился и вышел из палаты.

Иван перевел тяжелый взгляд на Адашева:

- Скажи, Алексей, не я ли верил тебе как самому себе? Кому я доверял важнейшие для страны дела? Кого возвышал и всячески поощрял?

- Все так, государь.

- Так? – Иван повысил голос. – Чего же ты, мой ближайший советник, пошел против меня?

- Я не понимаю тебя, государь.

- Напомню. Почему ты отошел в сторону и ни во что не вмешивался, когда некоторые бояре отказались принимать присягу покойному сыну Дмитрию, а я лежал на смертном одре без сил и способности защищаться?

- Ты не прав, государь, я...

- Молчи! Надежды на мое выздоровление не было. Вот вы с Сильвестром и решили побеспокоиться о себе, а не о младенце-наследнике. А вдруг на престол взойдет Владимир Старицкий? Вот вы и метались меж двух огней, беспокоились лишь о сохранении собственного положения. Только князь Владимир Воротынский да дьяк Иван Висковатый смогли переломить положение и привлечь к себе бояр. Вы же ни во что не вмешивались. Как расценить это, Алексей?

- Я был на твоей стороне.

- Да, ты всегда стоял на моей стороне. Особенно когда хлопотал о боярском чине для своего отца, который, если не забыл, в то время прямо высказывался в пользу Владимира Старицкого. Точно так же ты стоял на моей стороне, когда стал окольным и получил вместе с другими тысячи четвертей лучшей земли. Или того не было, Алексей?

- Было, государь.

- Было! Тогда ответь на второй вопрос. Почему ты встал на сторону бояр, выступавших против войны с Ливонией, причем тогда, когда она уже началась? Молчишь? А я скажу. Ты пошел на поводу у московской знати, которая была недовольна отступлением от старых обычаев. Тебе, уже получившему все, что хотелось, как и этой знати, не нужны были беспокойства, связанные с войной. Ты прекрасно знал, что Крым не пойдет на Русь, но стоял вместе с другими на том, чтобы мы воевали с ним. Того же очень желали в Литве, Швеции, Польше и в Ливонском ордене. Пусть Русь завязнет в войне с татарами. И то, что вступление наших войск в Крым грозило обернуться большой бедой, ты тоже знал, но продолжал поддерживать московскую знать. Это как назвать? Что означают ваши с Сильвестром тайные встречи и весьма неплохие отношения с княгиней Ефросиньей Старицкой? Она ведь причастна к гибели моего сына Дмитрия. У меня есть тому доказательства, пусть и косвенные. Болезнь Анастасии тоже наверняка не случайна. Ты предал то, что мы начинали делать вместе, Алексей! И не унижай себя мольбами. Нет тебе оправдания.

- Меня ждет смерть?

– Тебя ждет служба. Какая? Узнаешь в свое время. Пока находишься в Москве, но запомни, в Кремль тебе дорога отныне закрыта. Ступай!

Бывший окольничий, ближайший советник и друг царя поклонился, опустил голову и покинул палату.

Дальнейшие события показали, что царь твердо решил отстранить Алексея Адашева и Сильвестра от управления государством. Сильвестр отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, где принял пострижение под именем Спиридона.

Адашев в декабре 1559 – январе 1560 года еще участвовал в переговорах с литовским посланником. В мае 1560 года в Ливонию была послана большая рать. Вместе с ней покинул Москву и Адашев. Иван Васильевич назначил его на довольно высокую должность третьего воеводы большого полка. Однако учитывая то, что ранее Адашев постоянно находился при царе и в войска не отправлялся, это назначение было знаком немилости.

30 августа 1560 года русские овладели крупной ливонской крепостью Феллин. Царь назначил там воеводой Алексея Адашева. Но после конфликта с костромским боярином Осипом Полевым Иван приказал Адашеву убыть в город Юрьев без назначения на какую-либо должность. В конце концов Алексей Федорович был полностью отстранен от государственного и военного управления.

Болезнь Анастасии прогрессировала. Тайная делегация, высланная в Германию, обратно не вернулась. Пропали и верные люди наместника города Юрьева.

Иван каждый день проводил много времени у постели супруги. Он видел, что, несмотря на все усилия врачей, состояние Анастасии ухудшается. Но однажды у царя появилась надежда.

В начале июля 1560 года Малюта Скуратов, теперь почти постоянно находившийся при царе, доложил ему о том, что его хочет видеть лекарь Курт Рингер.

– Пусть зайдет, – приказал Иван.

Лекарь вошел. Его волнение сразу бросалось в глаза. Так уж повелось, что Иван общался с Рингером на его родном языке.

Курт поклонился и сказал:

– Государь! У меня хорошие новости для тебя.

– Что? Объявилась делегация из Гамбурга?

– Не знаю. Но ко мне приехал старый друг Вольфанг Краузе.

– А мне до того какое дело?

– Так он в свое время был помощником у нашего учителя в Гамбурге.

– Ну и что?

– Он вместе с ним создавал препарат, которым я лечил немецкую баронессу.

Иван подошел к лекарю.

– Так ему известен рецепт?

– Да, государь. Для приготовления лекарства нам потребуется несколько дней. У знахарки Домны есть практически все, что нужно. Работать нам будет удобней в ее доме. С царицей же останется Шиллинг.

– Немедленно приступайте к приготовлению снадобья!

– Я и пришел затем, чтобы просить на то твое разрешение.

– Ты получил его. Коли что надо будет, обращайся напрямую ко мне. Днем или ночью. Всем необходимым тебя обеспечат.

– Думаю, ничего и не потребуется. Рецепт настолько прост, что я сначала не поверил Вольфу. Нам понадобятся растения, которых в избытке здесь, у Москвы. Все они есть у Домны.

– Поспешай, Курт! От тебя, твоего друга и знахарки сейчас зависит жизнь самого дорогого мне человека.

– Да, государь! Позволь удалиться?

– Иди и ежедневно докладывай мне о результатах работы.

– Слушаюсь, государь. – Немецкий лекарь поклонился и чуть ли не выбежал из палат.

Скуратов вошел, взглянул на царя и спросил:

– Чего это с немчином? Скачет по дворцу зайцем.

– Кто к нему приехал, знаешь?

– Лекарь из Гамбурга, Вольфанг... язык сломаешь с их именами, бежал из Литвы, где служил у какого-то вельможи. Он прослышал, что на Москве весьма ценят образованных людей, узнал, что Курт Рингер здесь, и подался к нам.

– Ты вот что, Малюта, обеспечь этого Вольфа всем необходимым. Жалованье ему такое же, как и Курту. Поселить с ним же. Смотреть за немцами!

– Смотреть, чтобы они сами чего не натворили или от кого обиды не понесли, это можно. А в лекарьских как углядеть? Ни я, ни мои люди в них ничего не смыслят. Хотя Домна всегда с ними. Она не даст нанести вред царице, если немчины что-то худое задумают.

– Все равно смотри! Кто сейчас у Анастасии?

– Лекарка Шиллинг да прислуга.

– Ты занимайся своим делом, я буду у царицы. Коли кто пожалует, сообщишь мне. Без моего дозволения никого во дворец не пускать.

– Слушаюсь, государь. Я и кушанья лично проверю.

– Проверь.

Иван поспешил к жене, хотел обрадовать ее хорошей новостью, полученной от лекаря Курта Рингера. Шиллинг и прислуга тут же вышли из опочивальни.

Надежда словно вдохнула жизнь в ослабленное тело царицы.

Она улыбнулась, поднялась с кровати и сказала:

– Иван, мочи нет лежать. Хочу пройтись по улице.

– А не слаба для того?

– Нет. Да и твоя крепкая рука поддержит, если надо!

Царь решился.

– Хорошо. Пусть служанки оденут тебя. Выйдем, прогуляемся по Кремлю. Но недолго, Настя! Как скажу, так сразу же во дворец, без отговорок и просьб.

– Ивана и Федора возьмем с собой?

– Да. Жду вас.

– Мы быстро, Ваня.

Царская семья дошла до Успенского собора, как откуда-то потянуло дымом.

– Что это? – испуганно спросила Анастасия.

– Пожар где-то! Лето опять выдалось сухое, жаркое, леса давно горят. Может, оттуда и тянет дымом.

Но царь ошибся.

Подбежал Скуратов и доложил:

– Государь, беда! Арбат горит!

– Еще не легче. Силен пожар?

– Силен, государь!

– Тушат?

– Да.

В это время сильный порыв ветра бросил к ногам Ивана горящую головню.

– Нам еще ветра не хватало.

Анастасия прижала к себе младшего сына Федора, старший ухватился за ее подол.

Царица побледнела.

– Страшно мне, Ваня! И детки испугались.

Иван Васильевич приказал Скуратову:

– Семью во дворец, готовиться к отъезду.

– Позволь узнать, куда поедем?

– Выполний, что сказано, Малюта. Я скажу, куда поедем.

Скуратов увел царицу с сыновьями во дворец.

Прибежали трое бояр.

– Государь, пожар все разгорается. Огонь на Кремль сносит.

Появился княжич Алексей Ургин.

– Государь, людей для тушения пожара в Кремле собрали, с Божьей помощью управимся.

Но тебе надо бы уехать, покуда огонь не окружил Кремль.

– Что на Арbate?

– Улица полностью выгорела, но ветер не дал пойти огню на посад. Тушение ведется, привлечены посадские и служивые люди. Часть моей дружины там, остальные здесь, с ратниками Головина.

– Твоя забота, Алексей, не допустить распространения пожара по Кремлю. Я вывезу семью и вернусь.

– А надо ли тебе возвращаться, государь? Мы уж тут как-нибудь с огнем справимся.

– Не забывайся, княжич! Не тебе обсуждать мои решения.

– Прости, государь. Я же только о том и думаю, чтобы не рисковал ты собой понапрасну.

– Запомни, княжич Ургин, царь должен быть там, где он нужен, с народом. В празднестве и беде. Все, ступай!

Скуратов вышел из дворца и доложил:

– К отъезду все готово. Кони для тебя и стражи, возки для семьи и прислуги за дворцом стоят.

– Малюта, я провожу царицу с детьми в Коломенское и вернусь сюда. Здесь старшим остается княжич Ургин, у него свои дружинники и ратники Головина. Ты же делай то, что сказано, а помимо того проведи дознание, откуда и почему начался пожар. Что это? Обычная беспечность или злой умысел?

– Я все понял, государь.

– Как вернусь, пошлю за тобой.

Скуратов поклонился и бросился бежать к воротам.

Иван Васильевич проводил семью в село Коломенское. По дороге Анастасии стало плохо. Царицу пробил сухой, рвущий грудь кашель. Причиной тому мог быть дым. В Коломенском Анастасии стало легче.

Иван отправился обратно в Москву в сопровождении трех стражников. Он приехал в Кремль, когда ратники Головина тушили башню, взявшуюся огнем, и, не раздумывая, бросился им помогать. Пожар удалось потушить сравнительно быстро. Сказались меры, предпринятые после огненной стихии 1547 года.

К Ивану подбежал княжич Ургин.

– Не пострадал, государь?

– Нет! Прикажи воды и полотенце принести, я умоюсь, да пошли людей за Скуратовым.

– А что за ним посылать? Недавно видел его у храма. Наверное, тоже сейчас отмывается, передевается, был черный как головня.

– Давай воды и Скуратова!

– Слушаюсь, государь!

Алексей Ургин бросился к дворцу.

Вскоре прислуга принесла ведро с теплой водой, полотенце. Иван Васильевич умылся.

Подошел и Скуратов.

– Прости, государь, задержался.

- Не за что мне прощать тебя. Докладывай, что с пожаром в городе.
- Тушат. Огонь остановить удалось, но кое-какие дома еще догорают. Тушить их уже без пользы.
- Людей погибло много?
- Сейчас посчитать невозможно. Но погибшие есть, обожженные, раненые при обрушении стен, перекрытий. Ратники дружины Ургуна помогают им. Но странно другое, государь. Иван почувствовал неладное и спросил:
- В чем дело, Малюта?
- Пожар полыхал на Арбате. Занялась огнем и Покровка. Но слегка, всего один дом и сгорел.
- Бывает такое, что в этом странного?
- Всякое случается, но вот только сгоревший дом принадлежал знахарке Домне. Ни соседний храм Святого Василия, ни ближние дворы особо не пострадали, а жилье Домны выгорело начисто.
- Домны? Так там же готовили лекарство! Что со знахаркой и с немцами? – вскричал Иван.
- Домна сгорела, один немец помер недавно от ожогов, второй выжил, успел выскочить из избы.
- Кто?
- Тот, что сначала к тебе приехал.
- Рингер?
- Он. Я в их именах путаюсь.
- Где немец?
- У меня.
- Пошли за ним, – приказал царь. Скуратов подозвал одного из своих людей, передал приказ Ивана. Царь спросил:
- Трупы знахарки и немца осматривал?
- Только Домны. Немец еще живой был, с ним лекари возились.
- Что увидел?
- Нашли ее в сенях, вернее, в том месте, где они были. Знахарка потеряла сознание от угара, да тут еще бревно, видно, по голове шарахнуло, вот она и сгорела.
- С чего ты взял, что на нее упало бревно?
- Так череп на затылке был проломлен, государь.
- А может, не бревно упало, а кто-то ее обухом топора или еще чем ударил?
- Да кто же? В избе посторонних не было. Если только кто из немцев? Но одного из горницы вытащили, да и второй оттуда же через оконце выбрался. Зачем им было убивать знахарку?
- Откуда тебе знать, что в доме не было посторонних?
- Так этот Рингер сказывал, я допрашивал его.
- В сени с улицы никто не мог зайти? Дверь открыта, лекари в горнице.
- Может, кто и зашел. Стражник подвел к царю немецкого лекаря, подавленного случившимся. Рингер поклонился и сказал на родном языке:
- Я не могу поверить в то, что произошло, государь.
- А что произошло, Курт? Рассказывай, как все было.
- Хорошо. Мы уже заканчивали приготовление снадобья. Осталось добавить в него чистотела. Вот Домна и пошла в сени, где у нее была развешана трава. Вольф смешивал отвар. Я присел на лавку. – Рингер протер платком вспотевший лоб. – Потом в комнате на миг будто

потемнело. Я обернулся к оконцу, а за ним мелькнул чей-то силуэт. Может, мне это и показалось. После в сенях что-то упало. Мы с Вольфом переглянулись. Я пошел к дверям, но тут со всех сторон повалил дым. Не буду отрицать, мы испугались. Надо было сразу выскочить на улицу. Дом вспыхнул. Вольф бросился к двери, но споткнулся и упал. Я к нему, а тут сверху прямо на него упал сноп горящей соломы. За ним еще один, потом повалились доски. Вынести я его не мог. Сквозь дым увидел оконце, через него и выскочил во двор. Там уже были люди. Никогда бы не подумал, что такой крепкий дом может сгореть столь быстро. Он полыхал, объятый огнем со всех сторон. Однако нашлись смельчаки из ратников. Рискуя собой, они все-таки вынесли Вольфа. На него страшно было смотреть. А потом дом рухнул. Краузе куда-то увезли, а меня доставили во дворец. – Немецкий лекарь кивком указал на Скуратова. – Вот этот господин приказал привезти меня сюда.

– А снадобье, Рингер?

– Да, снадобье! Оно уже было готово. Отвар. Убегая из горящего дома, я схватил со стола пузырек.

Иван облегченно вздохнул.

– Слава Богу, хоть снадобье вынес.

– Вынес, государь, только это всего лишь часть лекарства. Снадобье должно помочь, но оно не имеет всех тех свойств, что настоящее, изготовленное по рецепту. Если бы не пожар, то уже сегодня вечером мы могли бы...

– Если бы!.. – прервал лекаря царь. – Если бы царица не заболела, то не было бы надобности ни в снадобье, ни в лекарях. Погоди.

Иван повернулся к Скуратову, передал ему суть рассказа Рингера и спросил:

– Тебе об этом лекарь докладывал?

– Нет. Это он сейчас вроде в себя пришел, а тогда трясся весь, плакал как дитя.

– Немец говорит, что когда Домна вышла в сени, там что-то упало. Что бы это могло быть? Или, может, кто?

– Думаю, упала сама знахарка. Кто-то зашел в сени и там прибил бабу!

– Кто знал, что в ее доме готовится снадобье для царицы?

Скуратов пожал плечами:

– Кроме надежных людей, за которых я в ответе, вроде никто.

Иван повернулся к Рингеру и задал тот же вопрос.

– Не могу знать, государь. Мы с Вольфом ни с кем из местных жителей не общались. А вот Домна? Напрямую она вроде тоже никому ничего не говорила, но к ней приходило много народу.

– Понятно! Как ты считаешь, отчего загорелась изба знахарки?

– Это же ясно как день. Дом подожгли.

Царь взглянул на Скуратова.

– Как по-твоему, дом знахарки мог загореться изнутри по небрежности Домны или немцев?

– Нет! – твердо ответил Малюта. – Избу подожгли, причем со всех сторон, возможно, обложив хворостом.

– И никто этого не видел?

– Дело в том, что изба Домны стоит не у городьбы, рядом с улицей, а в глубине сада. Трудно увидеть, что происходит во дворе. Не удивительно, что никто не заметил злодеев, поджигавших дом. Когда изба полыхала, у усадьбы собралось много зевак. Мои люди всех опрашивали, а те чего только не городили. Кто-то видел колдунью, входившую во двор с головой ребенка в руках. Кто-то каких-то человечков ростом с кошку, махавших окровавленными вениками. Только один мужик сказал, что заметил бородача с мешком, который перелезил с соседнего двора. Этого мужика допросили особо. Похоже, он и взаправду видел кого-то из

злодеев. Один человек не мог поджечь избу одновременно со всех сторон. Но кроме бороды да обычной для посадских одежды мужик ничего не запомнил. Я, понятное дело, дознание не прекратил. Мои люди и сейчас ищут свидетелей, прежде всего допрашивают ребятню. Те видят гораздо больше взрослых. Возможно, мы что-то еще и узнаем.

– Дознание продолжай, сколько потребуется. Что скажешь по причинам пожара на Арбате? Там тоже поджог?

– Я бы этого не сказал. Мы нашли место, откуда пошел огонь. Это сарай в одном из дворов. До пожара там видели все ту же ребятню. Хозяин дома пошел их прогнать, а сарай взялся огнем. Детишки разбежались. Сыну своему, который с ними был, мужик, понятное дело, потом допрос по всей строгости учинил. Малец и признался, что они добыли в торговых рядах пороха и в сарае мастерили самопал. Ну и доигрались. Порох взорвался, солома загорелась. Оттуда и пошел пожар. Не думаю, что это связано с бедой, приключившейся в доме знахарки. Государь, коли злодеи прознали, чем занимаются лекари и знахарка, то ее дом сгорел бы и без большого пожара. Только он один.

– Но кто эти злодеи?

– Люди, желающие смерти царице, затаившие на тебя злобу. Ты лишил их бывшего положения, благ, всего, чем они жили.

– Ты намекаешь на Сильвестра и Адашева?

– Я ни на кого не намекаю, государь. Но, судя по всему, нити зловещего заговора тянутся к ним. Они стояли высоко, у них на Москве осталось немало своих людей. Надо провести дознание.

Иван потрянул головой.

– О Сильвестре ничего не скажу, Адашев же не мог пойти на такое злодеяние. Несмотря ни на что, он относился к Анастасии хорошо, не мог желать ей смерти. Адашев быстрее учинил бы заговор против меня. Тем более, как ты сам говорил, верных людей у него осталось немало.

– Государь, я думаю, что злодеи все верно рассчитали. Если заговорщикам удастся известить любимую тобой Анастасию, то это скажется и на тебе. Да оно и понятно. Вот тут для них наступит самое время поднять мятеж. Войска, верные тебе, находятся в Ливонии. Московские бояре недовольны возвышением Захарьиных-Юрьевых. Не мне, холопу безродному, давать тебе советы, но скажу, что необходимо действовать прямо сейчас. Надо нанести по ним удар, похоронить все их иудины планы, а лучше всего – вместе с ними.

– А где, Малюта, взять доказательства вины Сильвестра и Адашева? На пустом месте суд не вершится. А наказание без суда – тот же разбой. Не для того мы создавали судебную систему, чтобы потом плевать на нее. Так не будет.

– Верно все говоришь, государь. Только если заговорщикам закон не писан, то почему он должен их защищать? А насчет доказательств есть у меня одна мыслишка.

– Не тяни жилы, Малюта. Говори!

Скуратов погладил бороду.

– Адашев на своем подворье содержал польскую вдову Марию-Магдалину в качестве полюбовницы. Она и сейчас на Москве. У нее пятеро детей. Надо бы с ней поговорить. Магдалина скажет все, что знает. Ей просто деваться некуда. Куда она с детьми пойдет из Москвы, коли прогнать ее из подворья Адашева?

– Она может ничего не знать о делах полюбовника.

– А вдруг знает? Я бы допросил ее, да и детей.

– Хорошо, – согласился Иван. – Допроси, но предупреждаю, никакого насилия. За самоуправство карать буду строго.

– Слушаюсь, государь.

Иван повернулся к Рингеру, стоявшему рядом:

– То, что слышал, забудь. Иначе головы не сносить. Не думаю, что ты хочешь разделить судьбу своего товарища Вольфа.

– Да я и не слушал, государь!

– Тем лучше для тебя! Сейчас же, немедля поедешь в село Коломенское. Осмотришь царицу и начнешь лечить тем снадобьем, которое удалось сохранить. А ты, Малюта, проводишь лекаря в село, усилишь там охрану и только после этого займешься польской вдовой!

– Слушаюсь, государь!

– Ступайте, и да поможет нам всем Господь!

Прошло два дня. Иван не мог выехать из Москвы. Он занимался ликвидацией последствий пожара. Рингер из Коломенского докладывал ему о состоянии жены. Лекарь делал все возможное.

Малюта тоже не терял времени даром. Он явился к царю с утра 5 августа. По его довольному виду Иван понял, что Скуратову удалось узнать нечто важное по поводу заговора против Анастасии.

Малюта поклонился, приветствовал царя, передал ему лист бумаги и сказал:

– Все, государь, показания любовницы Адашева Марии-Магдалины. В них много чего интересного.

Царь начал читать. Из показаний женщины следовало, что Алексей Федорович, угодив в опалу, постоянно пребывал в ярости. Он много пил, ругался. Грозился, что Иван еще пожалеет о содеянном. Кричал, что Сильвестр говорил правду, когда утверждал, что болезнь Анастасии – это Божья кара царю, несправедливо обвинившему своих ближних советников. Ее смерть останется на совести Ивана, потому как только он будет виноват в этом. Он вызвал на подворье своих людей и о чем-то говорил с ними, потом собрался и уехал, не попрощавшись.

Вечером на подворье пришел какой-то бородатый мужик из простолюдинов и передал наказ Алексея Федоровича уезжать из Москвы в Дерпт. Чем быстрее, тем лучше. Потом он стал приставать к Марии, получил отказ, сказал, что она никуда от него не денется, и ушел.

После пожара Мария провела о гибели Домны, которую хорошо знала, лечила у нее детей, а также какого-то иноземца, оказавшегося в доме знахарки. Полька подумала, что это дело рук того самого бородатого мужика. Кто он такой, где живет, чем занимается, она не знала, но подтвердила, что этот человек приходил вместе с другими к Алексею Федоровичу.

На вопрос о том, почему Мария не послушалась совета Адашева и не уехала в Юрьев, она сказала, что на это у нее просто нет средств. Вдова подтвердила частые встречи Адашева с Сильвестром. Они проявляли недовольство правлением царя, называли его Ванькой.

Прочитав показания вдовы, Иван надолго задумался.

– Что скажешь, государь? – спросил Малюта. – Призналась-таки Мария-Магдалина, что Адашев и Сильвестр стояли во главе заговора против царицы!

– Нет, лишь в том, что Адашев и Сильвестр проявляли недовольство моим правлением. Но они и не скрывали этого. Мария показала, что Адашев грозился мне. Так это объяснимо. Лишиться в одночасье высокого положения из-за собственной глупости – причина веская. Да и что ни наговоришь, напившись вина? Вдова призналась, что к ней приходил бородатый мужик, передал приказ Адашева ехать в Юрьев. Потом узнала, что и перед пожаром у избы Домны тоже видели бородатого мужика. Ну и что? Как доказать, что это был один и тот же человек, и являлся ли он одним из поджигателей? Может, вор хотел забраться в дом Домны, где наверняка было чем поживиться, увидел настоящих поджигателей и тут же сбежал?

Скуратов разочарованно вздохнул.

– Значит, все мои труды впустую?

– Отчего же? Показания Магдалины можно трактовать и как оправдание Адашева с Сильвестром, и как обвинение, причем в тяжком преступлении. Найти бы еще этого бородатого посланца Адашева!

- Уже ищем, государь. Мария кроме показаний мне кое-что о нем поведала.
- И что же?

– Она шла с сыном к той же Домне и видела, как этот бородач заходил в один из дворов на посаде. Сейчас мои люди ищут этот дом, потому как Мария-Магдалина описала его довольно смутно. То ли на той улице, то ли на другой. Где-то в середине посада, ближе к реке. Но шла-то она от подворья Адашева до Покровки. Вот по этой дороге и ищем. Обязательно найдем, государь.

- Так у нас все мужики бороды носят.
- Но не все косят на один глаз.
- Вот как? Человек Адашева косой?
- Едва заметно. Но это хорошая зацепка.
- Почему ты раньше не говорил об этом?
- А зачем, государь? Ты поручил мне следствие, я его и веду. К чему тебе такие мелочи?

Вот приведу злодея, тогда спросишь с него со всей своей царской строгостью.

– Узнаешь, где обитает бородач, сразу хватай его и смотри, чтобы не сбежал! Продолжай поиск. Завтра до обеда я буду на Москве, потом поеду в Коломенское. Рингер сообщает, что состояние Анастасии нормальное, но на душе тревожно. Да и не видел я ее долго, два дня. Сейчас для нее это много. Так что, если что найдешь, до обеда заходи на доклад. Позже приезжай на село.

- Понял, государь! Позволь идти?
- Ступай!

Утром 6 августа Скуратов явился во дворец спозаранку. Ждал, пока царь приведет себя в порядок, помолится, позавтракает.

Иван увидел Малюту, нетерпеливо ходившего по коридору.

- Чего так рано пришел?

Скуратов поклонился.

- Долгих дней тебе, государь.

- И тебе того же. Зачем, спрашиваю, в такую рань пришел?

– Взяли мы бородача. Вечером выследили. Ночью повязали. Петром Большовым его кличут.

- Вот как? Где он сейчас?
- Где же ему быть? В темнице сидит.
- Ты допрашивал его?
- Нет. Решил сначала доложить тебе.
- Идем!

Царь и Скуратов прошли в подвал, где содержались лихие люди разного рода.

Малюта указал на избитого, прикованного к стене бородача.

Тот поднял голову.

- Сам государь пожаловал! Неужто из-за какой знахарки, которых на Москве пруд пруди?
- Ты поджег избу Домны? – спросил царь.
- Я.
- Один бы ты того сделать не смог.

– Как видишь, смог.

- Ладно, об этом потолкуем позже. Убить Домну и немцев тебя послал Адашев?

- Немцев? – еще больше удивился Большов. – Каких?..

- Ты мне не придуривайся, говори правду, дабы кнута не испытать.

– А меня, царь, ни кнутом, ни дыбой не испугаешь. Я как семьи лишился, перестал боль чувствовать. Не веришь, так проверь.

– Тебя послал Адашев?

– Да. Он велел смотреть за хатой этой колдуньи. А я уж не упустил момент отомстить ей.

– Отомстить? За что?

– Так это она, Домна проклятая, виновата в смерти моей малолетней дочери и любимой жены! Залечила, сволочь, дочурку до смерти, а жена не вынесла горя и повесилась. В один день похоронил семью, да и себя тоже. Теперь мне все равно. Что тюрьма, что казнь.

– И ты в горе своем поджег избу Домны?

– Не сразу. Сначала хворостом обложил ее, потом в сенях затаился. Надеялся, может, выйдет из горницы. Вышла. Я ее обухом по затылку. И крикнуть не успела. А потом петуха красного пустил и ушел дворами. Не заметил, что кто-то видел меня.

Малюта схватил Большова за волосы, рывком поднял голову.

– Врешь, собака! Коли ты так ненавидел Домну и любил свою семью, то почему к польке Марии приставал? Когда кто-то любит да скорбит, а еще и мстит, то за другие юбки не хватается. Ты не хочешь выдать Адашева, вот и плетешь нам тут небылицы. Кому лжешь, собака? Самому царю!

Большов спокойно ответил:

– Адашев велел смотреть за домом Домны. Первым пошел я и прикончил эту стерву за то, что она убила мою дочь и жену. К Магдалине, полюбовнице Алексея Федоровича, я не приставал, непотребного не предлагал, это она напраслину наводит. Если бы хотел насильничать Магдалину, то сделал бы это. На нее дунь, она и упадет, а я подковы гну. Только Магдалина живет с Алексеем Федоровичем. Даже из-за этого я бы не полез к ней.

– Уважаешь, значит, Адашева? – спросил царь.

– Уважаю, – ответил Большов. – А тебя, царь, нет, коли ты унижаешь таких людей.

– Заткнись! – Малюта замахнулся кнутом.

– Уймись и отойди, – заявил государь.

Скуратов повиновался.

Иван подошел вплотную к Большову.

– Значит, уважаешь Адашева? Тогда почему приказ его нарушил? Он тебе что велел? Смотреть за избой Домны. А ты убил ее.

– Виноват, не сдержался. Давно хотел удавить колдунью, да все не удавалось. А тут такой случай. Ну и не сдержался.

– А почему Адашев велел следить за избой Домны?

– Того не ведаю. Алексей Федорович собрал нас, верных людей, и приказал, смотрите, мол, по очереди за домом знахарки Домны, что у храма Святого Василия. Но так, чтобы про то люди не прознали. Что заметите интересного или подозрительного, сообщайте Анфиму, сыну священника Сильвестра. Ладно, устал я. Не хочу больше говорить.

Скуратов взревел:

– Ты у меня на дыбе, сын собачий, не только заговоришь, соловьем запоешь!

Иван и на этот раз остановил его:

– Оставь его, Малюта, он правду сказал. Скажи, чтобы взяли с него показания да передали дело суду за убийство знахарки.

– Так позволь, государь, пред тем пытаться его. Глядишь, еще что-то скажет.

– Ничего он больше не скажет. И не перечь мне, Малюта.

– Слушаюсь, государь.

Иван резко обернулся к Большову:

– Тебя будут судить и казнят. Ответь мне одно, но как на духу.

– Спрашивай, отвечу.

– Вот отомстил ты Домне, тебе легче стало?

– Легче! Душа успокоилась. А теперь, когда до встречи с женой и дочерью недолго осталось, то совсем полегчало. Не поверишь, царь, радостно мне. На этом свете делать больше нечего.

Иван повернулся и вышел на улицу. Скуратов остался в темнице, брать показания убийцы знахарки Домны.

Государя встретил Дмитрий Ургин, прибывший в Кремль проведать его и узнать о здоровье царицы.

– Здравствуй, Дмитрий!

– Признаться, не ожидал увидеть тебя здесь, государь.

– В темнице был, допрашивал одного лихоедея. Но пойдем в палаты, там поговорим. Времени у нас немного, после обеда поеду в Коломенское.

– Как Анастасия?

– Лекарь сообщает, что вроде нормально.

– С Божьей помощью встанет!

– На то и надеюсь, о том и молюсь денно и ночью.

Царь и князь Ургин прошли в палату. Иван присел в кресло, Дмитрий устроился напротив, на лавке.

Иван поведал верному князю обо всем, что произошло за последние дни, подробно изложил разговор с Петром Большовым и спросил:

– Что ты думаешь по этому поводу, Дмитрий?

– По-моему, Большов сказал правду. Я слышал о случае, когда знахарке не удалось спасти больного ребенка, а мать после его смерти покончила с собой. Так что Большов имел повод отомстить знахарке.

– Ты считаешь, он ничего не знал о немцах и о лекарстве, которое они готовили вместе с Домной?

– Считаю, что не знал.

– А Адашев?

– Алексей Федорович мог знать.

– Мог, – проговорил царь. – Он выставил своих людей следить за работой. Зачем? Ему-то до того какое дело?

– Возможно, он хотел знать, удастся ли лекарям сделать нужное снадобье.

– Не затем ли, чтобы уничтожить его?

– Вряд ли. Адашев не пошел бы на это. Да и какой смысл уничтожать лекарство, когда еще неизвестно, помогло бы оно или нет.

– Возможно, ты и прав, но снадобье уничтожено верным холопом Адашева. Вместе с лекарями. От этого не уйти.

– Но Большов сообщил тебе, что он хотел убить лишь одну Домну.

– Говорил...

Речь царя прервал Скуратов, буквально ворвавшийся в палату:

– Государь, из Коломенского плохие вести.

– Что? – Иван поднялся с кресла. – Что с Анастасией?

– Гонец передал, что ей стало плохо, она впала в беспамятство.

– Немедля коня!

– Слушаюсь. Я с тобой?

– Да. – Иван взглянул на Ургина.

Тот все понял и сказал:

– Я тоже, коли ты не против, отправлюсь с тобой.

– Едем!

Через полчаса конный отряд во главе с царем вихрем влетел в Коломенское. Иван спрыгнул с коня и побежал в опочивальню жены. Ургин и Скуратов последовали за ним.

У постели Анастасии сидел лекарь Рингер.

– Что с царицей, Курт?

Рингер поднялся, вытянул, как солдат, руки по швам, опустил голову.

– Мне не удалось вылечить царицу, государь. Поверь, я делал все, что мог, но оказался бессилен пред болезнью.

– погоди, Курт. Вдруг еще можно что-то сделать? Царица, вижу, в беспамятстве. Может, она придет в себя, и дело пойдет на поправку? Что молчишь?

– Я боюсь твоего гнева.

– Да не думай ты о том. Надо царицу спасти.

– Уже бесполезно.

– Что ты сказал? Бесполезно? Значит, царица умирает?

– У нее проявились те же признаки, что и у баронессы Греты фон Хартманн перед самой ее кончиной. Я ничего не могу сделать.

– Пошел вон!

Иван присел на край постели жены.

Она лежала бледная, глаза закрыты, на лице гримаса боли. Похудевшее тело вздрагивало. Иван взял ее руки в свои ладони. От них веяло холодом.

– Настенька! – проговорил он, склонившись над женой. – Очнись, родная, прошу.

В опочивальню вошел митрополит Макарий. Он тоже получил тревожное известие из Коломенского и немедленно прибыл туда.

– Как она? – спросил Макарий.

Царь ответил:

– Плохо, владыка!

– Исповедоваться бы надо, да без сознания наша царица.

Иван схватил митрополита за золоченое одеяние.

– Она должна жить, Макарий! Понимаешь, должна!

– Успокойся, государь, Господь милостив. Молись!

– Да я молюсь. Только не слышит меня Господь, опять посылает мне испытания. Не слишком ли часто.

– Не богохульствуй, государь.

– Оставьте меня с Настей! Все уйдите!

– Но мне следует быть при царице, – воспротивился Макарий.

– Очнется, позову. А сейчас уходите!

Митрополит, князь Ургин, Малюта Скуратов покинули покои царицы.

Иван всю ночь сидел у постели любимой жены и не переставая умолял Господа вернуть Анастасию к жизни. В пятом часу утра царица пришла в себя.

– Настенька! Слава Богу! Я сейчас лекарей кликну.

– Не надо, родной. Мне сейчас очень хорошо. Видишь, как солнышко светит? – В палате горели свечи. – А на полянке-то сколько ромашек? Вон из реки и Дмитрий наш вышел, а говорили, будто потонул он. Ой, а с ним и Аннушка, и Маша. Все наши детки. Живые, здоровые. Соловушка поет. А почему на тебе кафтан? Тепло же!

– Да, Настенька, тепло. А кафтан? Я сниму его. Сейчас, родная.

– Свет вдали видишь, Иван?

– Где, Настенька?

– А вон, меж облаками. К нему дорожка из цветов. Я так хочу туда. Ты отпустишь меня?

Иван понял, что Анастасия бредит, позвал лекаря и митрополита. Сам отошел к оконцу, к князю Ургину, который появился с Макарием и Рингером.

– Не могу на это смотреть, Дмитрий. Умирает Настенька. Она говорила, как ей хорошо, видела наших умерших детей. Неужто это все, Дмитрий?

– Кто знает?

Макарий исповедовал царицу и молча вышел из покоев.

Рингер вновь встал у постели.

– Что? – спросил царь.

– Она умирает.

Иван подошел к постели. Анастасия окончательно пришла в себя.

Сейчас она понимала, что происходит, попыталась улыбнуться и сказала:

– Вот, любимый мой, и кончилась наша жизнь. Ты не горюй без меня. О сыновьях заботься. Особо о Феденьке, слабенький он. Помни, я всегда любила тебя больше жизни. Только короток оказался век нашей любви.

На глазах царя выступили слезы. Он нагнулся над Анастасией. Тело ее пробили предсмертные судороги. Иван уткнулся в грудь жены и заплакал, не стесняясь своих слуг. Затем смахнул слезы и стал целовать лицо Анастасии.

Князь Ургин поднял его.

– Государь! Я как никто другой понимаю твою безмерную горе, но ничего уже не поделаешь. Господь забрал к себе нашу благоверную и кроткую Анастасию.

– Но почему так рано, Дмитрий? Ведь ей не было и тридцати лет.

– Каждому человеку на этой земле отведен свой срок. Все мы уйдем в мир иной. Кто раньше, кто позже.

Иван огромным усилием воли сумел взять себя в руки, вытер лицо платком, подошел к мертвой жене, поцеловал ее в холодные губы и проговорил:

– Прости меня за все, Настенька. Мы еще встретимся. – Он вышел из опочивальни царицы.

Вместо него появились женщины из прислуги. Заголосила какая-то бабка.

Князь Ургин нашел царя в дальней комнате. Иван сидел на скамье и смотрел в черную мглу за окном.

А в Москву поспешил гонец с трагическим сообщением о смерти первой русской царицы Анастасии Романовны.

На похороны собралось невиданное количество народу. Казалось, рыдала вся Москва. Толпы людей в искреннем отчаянии не давали похоронной процессии пройти к кремлевскому девичьему Вознесенскому монастырю. Многие называли матерью Анастасию, не дожившую до тридцати лет. Нищим раздавали милостыню, но они, голодные, оборванные, ничего не брали, показывали, что не ради милости вышли проводить царицу в последний путь.

Иван был раздавлен горем. Он шел за гробом, не замечая никого и ничего вокруг. Несколько раз ближним боярам пришлось подхватывать царя, так как он едва держался на ногах.

Как только похороны закончились, Иван закрылся во дворце и запретил пускать к нему кого бы то ни было. Он не ел и не пил три дня. Затем царь, осунувшийся, как-то сразу постаревший, с небольшой стражей без свиты уехал в село Коломенское. Там он тоже никого не принимал.

Однажды он вышел во двор и увидел Рингера.

Это был первый человек, с которым Иван заговорил после похорон Анастасии:

– Ты почему до сих пор здесь?

– Жду, государь.

– Чего же?

– Когда явится стража и меня отвезут в Москву на казнь.

– Я не слышал, что на Москве должны кого-то казнить.

Рингер взглянул на царя и спросил:

– Ты оставишь меня в живых, после того как я не смог спасти твою жену?

– Так ты своей казни ждешь?

– Да, государь. Я заслужил наказание.

– До чего же ты наивен, Курт. А еще образованный человек! Господь забрал к себе Анастасию. Против Бога мы бессильны. Я ни в чем не виню тебя. Скажи только одно. Смерть Анастасии явилась результатом отравления?

– По всем признакам, да, государь. Судя по истории с баронессой, царицу извели той же самой отравой.

Иван покачал головой.

– Отравили, собаки!..

– А что теперь будет со мной? Ты велишь отправить меня обратно в Гамбург?

– Нет, Рингер. Лекари нам нужны везде. В больших городах, в малых селах, а особенно в войске. Много ратников погибает от ран, а надлежащую помощь им оказать некому. Вот тебе мой наказ, Рингер! Заверши дело, которое начинал Шлитте, разошли письма своим знакомым лекарям. Пусть едут в Москву. Всем дам дело, обеспечу жильем и жалованьем. Каждый получит охранную грамоту. Государству очень нужны образованные люди, чтобы не только сами работали, но и наших способных людей своему делу обучали. Коли не согласный, принуждать не стану. Ты свободный человек и волен делать, что хочешь. Можешь вернуться на родину.

– Нет, государь, – воскликнул Рингер. – Я согласен. Ты увидишь, что я еще много пользы принесу Руси.

– Вот и договорились. Казни ждешь?! Сейчас же отправляйся в Москву, к митрополиту Макарию. Передашь ему все, о чем мы говорили. Он поможет продолжить начатое дело.

– Слушаюсь, государь. Благодарю тебя. – Рингер поклонился и побежал к конюшне.

Иван, глядя ему вслед, покачал головой и проговорил:

– Это же надо, казни он ждал! Уж если кто и заслуживает смерти, то другие. Не люди, а твари мерзкие.

На следующий день государь вернулся в Москву. Его ожидали родственники покойной Анастасии.

Иван принял одного из них, Данилу Романовича.

– Что хотел сказать? – спросил он.

– Вот ты отчаиваешься, государь, печалишься, а враги твои торжествуют. Извели добродетельную царицу и праздную победу.

– Кто именно? Назови имена!

– Адашев и Сильвестр, а над ними княгиня Ефросинья Старицкая.

– Тому есть доказательства?

– Конечно, государь, открыто они своего торжества не показывают, но, сам посуди, кому была выгодна смерть Анастасии? Тем, кого она раньше привечала, а потом отвергла как изменников, не заступившихся за вашего сына. Поняли, собаки, что потеряли расположение царицы, и ты их при себе держать не станешь. Вот и решились на смертный грех. А доказательства? Так для суда над изменниками хватит и того, что добыл Малюта Скуратов. Судить их надо немедленно и заочно.

– Почему заочно?

– Чтобы не могли ложью оправдаться пред высоким судом и тобой. Ты же их знаешь. Они сумеют все исказить, потому как решаться будет не только их судьба, но и жизнь.

Иван задумчиво проговорил:

– Возможно, ты прав. Я подумаю.

– Подумай, государь! Ты не должен оставить безнаказанными злодеяния изменников.

Царь повысил голос:

– Что я должен, а что нет, не тебе решать. Ступай!

– Да, государь, прости, но с тобой хотели поговорить бояре.

– Не сегодня. Пусть уходят. Не до них.

– Понимаю. Слушаюсь!

Данила Романович вышел из палаты и осторожно притворил за собой дверь.

Белый царь долго думал и повелел судить обвиняемых заочно. Данное решение было доведено до Адашева и Сильвестра. Они попросили вызвать их в Москву, дабы иметь возможность лично опровергнуть обвинения. На их присутствии при рассмотрении дела настаивал и митрополит Макарий.

Но царь не изменил решения. В декабре 1560 года Иван Васильевич собрал собор.

Были оглашены обвинения, выдвинутые против Адашева и Сильвестра, и большинство судей сочло их обоснованными. Меньшинство не противилось, оно просто безмолвствовало.

Митрополит сказал, что надобно выслушать подсудимых, но не встретил особой поддержки. Мол, люди, осуждаемые государем, не могут представлять законного оправдания. Они обязательно станут лгать, исказить истину. Само присутствие на процессе Адашева и Сильвестра опасно для общества. Посему собор должен немедленно принять решение.

В итоге Адашев и Сильвестр были признаны виновными в заговоре против царицы. Встал вопрос об их наказании. Большинство судей потребовало казнить злодеев.

Казалось, судьба Адашева и Сильвестра была предрешена, но против казни неожиданно выступил царь. Учитывая прежние заслуги осужденных, Иван Васильевич предложил сослать Сильвестра на Соловки, а бывшего окольничего Алексея Адашева посадить под стражу в Юрьеве. Собор согласился с предложениями царя, нашедшего в себе силы для милосердия.

После собора Иван сосредоточился на государственных делах. Дабы противостоять новым заговорам, он потребовал, чтобы бояре поклялись бы не держаться стороны осужденных, наказанных изменников. Они присягнули на верность царю и Отчизне. Однако ярые противники государя не смирились с укреплением его власти.

Накануне празднования Рождества во дворец с утра явился Скуратов.

Иван отметил его возбужденное состояние и спросил:

– Что-то случилось?

– Случилось злодейство, государь! – Скуратов вытер вспотевший лоб и продолжил: – За городом, у рощи рядом с трактом проезжие купцы нашли трупы женщины и пятерых детей. Обезглавленные тела были сложены вдоль дороги на снегу так, чтобы их сразу заметили.

– Чьи тела, установили?

– Да, государь! Это Мария-Магдалина и ее дети.

– Что? – Царь поднялся с кресла. – Их убили там же, у тракта?

– Нет. К дороге тела привезли на санях. Мои люди ищут место убийства. Но страшно то, что по Москве уже как пожар распространяются слухи о том, что любовница Адашева и ее детишки погибли по твоему приказу. Мол, его ты простил, а на них отыгрался. За то, якобы, что Мария давала на соборе не те показания, которых требовал от нее ты.

– Это же полная чушь. Если бы я хотел казнить Адашева, то ему отрубили бы голову и без показаний Марии.

– Да, но ты же знаешь, сколь вредны слухи. Потому какие-то негодяи и распускают их.

– Кто?..

– Думаю, Ефросинья Старицкая, неугомонная в своей ненависти и выжившая из ума.

Иван подошел вплотную к Скуратову.

– Ты думаешь или знаешь?

– Как я могу знать, государь? Но кто еще мог пойти на такую подлость?

– Недоброжелателей хватает. Ты должен найти убийц Марии во что бы то ни стало. Надо провести над ними открытый суд и прилюдно казнить на лобном месте. Иначе слухи не останавливать. Да и не в них дело. Лиходеи обязательно должны понести самое суровое наказание.

Скуратов вздохнул.

– Прости, государь, я, конечно, сделаю все возможное, но мы вряд ли найдем убийц. Тот, кто стоял за ними, уже наверняка позаботился о том, чтобы замести следы. Убийцы сейчас лежат в сырой земле, в общей могиле. Убрал же князь Ростов холопа, который подрезал крепления сходен на твоём струге! И теперь с лиходеями сотворят то же самое. Такие свидетели никому не нужны.

– Ты не предполагай, а ищи, Малюта! Найдешь место убийства, глядишь, ухватишься за ниточку. Ищи, Малюта, да пошли наших людей в народ опровергать слухи.

– Да, государь. Позволь идти?

– Ступай, да княжича Ургина позови ко мне!

– Слушаюсь!

Царь приказал Алексею Ургину:

– Пошли гонца в Юрьев с распоряжением доставить в Москву Алексея Адашева!

– Прости, государь, но это невозможно.

– Что невозможно, княжич? Послать гонца? У тебя людей нет, кони передохли?

– Не в том дело, государь.

– А в чем?

– Отец мой сказал, что после решения собора Адашева свалил недуг, и теперь он в тяжёлом состоянии.

– Вот как? Тогда ладно, не посылай никого. Неси службу.

– Слушаюсь!

Люди Скуратова не нашли ни места казни вдовы Марии и ее пятерых детей, ни малейшего следа тех людей, которые совершили это злодеяние. Слухи на Москве утихли так же быстро, как и распространялись. Народ не поверил сплетникам, утверждавшим, что царь мог так подло поступить с женщиной и детьми.

Алексей Адашев не излечился от недуга и умер в Юрьеве. Царь приказал похоронить своего опального советника в Угличе, рядом с могилой отца.

Среди ближних государя не нашлось места князю Владимиру Старицкому. Это указывало на стремление царя и далее укреплять свою власть при поддержке весьма узкого круга лиц, в преданности которых он был уверен. В преддверии надвигающейся неизбежной войны с Литвой подобные меры являлись более чем оправданными.

Глава 3

Осада и взятие Полоцка

*О вы, которые хотите —
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимите
Простосердечный мой возглас!..
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь Святая,
И Русский Бог еще велик!*

Н.М. Языков

Прошел почти год со дня смерти царицы Анастасии. Боль по молодой супруге, ушедшей в мир иной, буквально рвущая душу Ивана, постепенно притупилась, поутихла. Да и напряженные повседневные заботы по управлению государством не оставляли времени на печаль.

Конфликт на западных рубежах нарастал. Швеция и Польша продолжали настаивать на выводе русских войск из Ливонии, несмотря на то что их послы постоянно получали отказ на свои требования. Иван Грозный не намерен был в чем-либо уступать правителям Польши и Швеции. Те в ответ активизировали собственные действия. Победы русских войск испугали Запад.

Весной 1561 года король Польши Сигизмунд II Август ускорил переговоры с Кетлером, последним магистром ордена, о переходе Ливонии под его власть. Одновременно он послал туда свои полки, фактически возобновил войну с Россией. Шведы заняли Ревель.

Иван Грозный ожидал подобного развития событий и готовил новый мощный удар, который должен был изменить общую обстановку в пользу России. Но далеко не все бояре понимали замыслы царя. Некоторые пытались возложить вину за осложнение ситуации на самого Ивана. Он, мол, испортил личные отношения с королем.

Дело заключалось в том, что еще в прошлом году бояре предложили Ивану заключить второй брак. В качестве будущей жены русского царя они видели сестру Сигизмунда II Августа, Екатерину Ягеллонку. Этот брак был выгоден в первую очередь тем вельможам, которые выражали недовольство возвышением Захарьиных.

Сигизмунд II был готов на переговоры. Он выставил свои условия – переход во власть Польши Пскова, Смоленска и Новгорода. Узнав о подобных требованиях, Иван Грозный ответил Сигизмунду резким отказом, а боярам и духовенству повелел более не вести никаких переговоров с ним.

Русский царь не мог поступить иначе. Политика великого государя имела целью расширение и укрепление России, а не потерю целых уделов ради брака с сестрой польского короля.

Впрочем, эти обвинения царю никто не предъявлял. Он узнавал о них от верных ему людей.

После полудня 10 июля 1561 года Иван Грозный уединился. Он ожидал князя Ургуина, с которым все чаще встречался, мог поделиться самыми сокровенными мыслями.

Дмитрий приехал к двум часам, вошел, поклонился.

– Многие лета тебе, государь!

Иван поднялся с кресла, подошел к князю.

– Здравствуй, Дмитрий, рад видеть тебя. Проходи. Слышал я, ты поставил новый храм в удельном селе Благое.

– Всем миром поднимали. Побольше прежнего сделали, потому как народа на селе прибавилось, все не помещались. Теперь места много. Хороший получился храм. Будешь в наших краях, посмотришь.

– Знаю, что село твое растет, и люди там живут в достатке. Везде бы так. Коли новый храм поднял, то прими от меня подарок. – Иван взял со стола какой-то предмет, завернутый в бархат, снял ткань. – Вот икона Богоматери. Пусть православный народ радуется и молится.

– Благодарствую, государь, от всех прихожан и от себя. Икона из рук самого царя дорогого стоит. – Ургин поцеловал образ, положил его на стол и перекрестился.

Царь же возвратился в кресло и сказал:

– Присаживайся, Дмитрий, поговорим.

Ургин опустился на лавку и сказал:

– Хороший день выдался, не жаркий, с легким ветерком. Детвора захватила все берега, пригодные для купания, плещется на мелководье. Весело смотреть.

– Да? А я из дворца и не выходил.

– Все дела, государь. Понятно, царствовать нелегко, однако и об отдыхе забывать негоже. Съездил бы ты на охоту.

– Будет время, съезжу. Сегодня не до того. Сигизмунд да гетман Радзивилл безобразничают в Ливонии. Не желают смириться с тем, что мы не сдаем позиции. Нападут, куснут и отскочат. Думаю, надобно их приструнить.

Ургин улыбнулся.

– Показать, кто в доме хозяин?

– Заметь, Дмитрий, в своем доме. Мы же не претендуем на исконные земли литовцев, поляков, тем более шведов, но то, что отняли у нас, извольте вернуть. Не захотели по-доброму, получили войну. России нужен свой выход к морю, и он есть. Но его запирает Ганзейский союз. Видите ли, все должны вести торговлю только через него, пользоваться немецкими кораблями и немало за это платить. А зачем нам этот союз, когда Россия может иметь свой флот, не хуже немецкого? Не будет по-ихнему!

– Верно говоришь, государь. По твоим словам ясно, что ты задумал новый поход против Литвы.

Иван погладил бороду.

– Покуда рано, а вот через год-другой войны не избежать. Пока только тебе скажу, что я задумал не отвлекаться на мелкие крепости, а всей силой навалиться на Полоцк.

– Это очень серьезное дело. Полоцк – богатый торговый город. Он весьма важен для поляков и литовцев. Оттуда открывается прямой и удобный водный путь к Риге.

– Полоцк по сути является и ключом к Вильно.

– Да, но он сильно укреплен.

– Согласен, эта крепость считается непреступной. Пять раз московские рати подступали к ней, но так и не смогли взять. Литва и Польша постоянно укрепляют город. Усилена валами защита Верхнего замка, поставлены девять высоких башен по всей стене. По данным, которые поступают из Полоцка, в городе сейчас от шестидесяти до семидесяти пушек, мортир, гаковниц, но не хватает прислуги к ним. Комендант крепости воевода Давойна обратился к Сигизмунду Августу с просьбой увеличить гарнизон. Король в помощи не отказал. Поэтому, Дмитрий, нам надо время для тщательной подготовки взятия Полоцка. Опыт, слава Богу, у нас уже есть. Достаточно войск, пушек и запасов. Мой отец не смог захватить город. Я же не отступлю, и крепость на Западной Двине будет нашей, русской! – Глаза Ивана загорелись, ладони сжались в кулаки. – Да, я возьму Полоцк, как покорил Казань. А то обнаглел Сигизмунд. Пред-

ставляешь, Дмитрий, он сих пор шлет мне послов с требованиями вывести из Ливонии русские войска? Да они быстрее свои полки потеряют, чем мы уйдем.

– Успокойся, Иван Васильевич. Я уверен, покорится тебе Полоцк.

Иван прошелся по палатам, присел на скамью рядом с Ургиним.

– А что, Дмитрий, скажешь по поводу второго моего брака?

– Так о нем тебе ближние бояре да священники, наверное, все уши прожужжали. Прости за такие слова.

– Не за что прощать. Воистину прожужжали. Но ты не ответил на вопрос.

– Мое мнение таково: царю без жены нельзя.

– А как жениться, Дмитрий, когда Настенька до сих пор вот здесь? – Иван ударил себя в грудь. – В сердце живет. Не могу я забыть ее, и полюбить уже никого не смогу, будь невеста хоть какая красавица писаная!

Ургин вздохнул.

– Твое состояние мне понятно как никому другому. Но ты царь, Иван Васильевич, и принадлежишь не только себе, а и всему русскому народу. То, что с Сигизмундом родниться не стал, не обменял русские города на его сестру, одобряю. Да и не только я, большинство бояр, не говоря уже о простых людях. Но коли есть другая невеста, то жениться надо. Да, жить без любви погано, тяжело, для меня вообще невозможно, но ты не я. Ты царь! Тебе в первую голову следует поступать так, как того требуют интересы русского православного государства.

– Невест, сам знаешь, хоть отбавляй. Но уж коли женитьба необходима, то пусть она принесет пользу стране. Поэтому я решил жениться на дочери черкесского князя, шестнадцатилетней Кученей Темрюковне. Нам сейчас как никогда нужны мирные отношения с народами Кавказа. Нельзя забывать о большой войне с Крымом. Ее можно отсрочить путем переговоров, а еще более – действиями казаков, но избежать нельзя. Вот мой новый родственник, князь Кабарды Темрюк и обеспечит нам спокойствие на юго-восточных рубежах. Как тебе мое решение?

Ургин развел руками.

– Тебе виднее, государь. Исходя из интересов державы, решение верное.

– Ну а о личной, семейной жизни я не думаю. Ее не будет. Царица – да, семья – нет!

– На то воля Божья, государь!

– На все воля Божья, но что-то подсказывает мне, что не смогу я жить с дочерью кабардинского князя. Недолгим будет этот брак.

– Как знать.

– Еще об одном хотел тебе сказать, князь.

– Да, государь, я слушаю тебя.

– Ты что-нибудь слышал про Кудеяра?

– Как же, известный разбойник. О нем уже легенды складывают и боятся. Мол, жесток он без меры. Губит старых и малых почем зря. Обозы грабит. Наслышан. Почему ты меня о нем спросил?

– А слышал ли ты, что Кудеяр представляется моим старшим братом, заявляет, что не я, а он должен быть на русском престоле?

Ургин удивленно посмотрел на царя.

– Но такое невозможно, государь! Как он может быть твоим братом, да еще и старшим? Первая жена твоего отца Соломония была бесплодной, детей иметь не могла, оттого и ушла добровольно в монастырь. Об этом все знают. А у великой княгини Елены только вы с Юрием и родились. Об этом тоже всем известно.

– А вот Кудеяр распространяет слух, что отец силой сослал Соломонию в монастырь. Она была беременна и родила его, Кудеяра, который зовет себя великим князем Георгием Васильевичем.

– Погоди, государь! Насколько я помню, подобные слухи уже имели место. Они затихли, когда твой отец учинил следствие по этому делу. В монастырь тогда выезжали бояре. Они доподлинно установили, что Соломония Юрьевна Сабурова, или сестра София, никогда беременной не была и никого не рожала. Так что Кудеяр никак не может быть твоим братом, тем более старшим. Сестра София умерла бездетной.

Иван неожиданно улыбнулся.

– Это мы можем среди вельмож говорить, а простой народ в такие подробности не вникает. Кудеяр говорит, что его, младенца, сразу же после рождения вывезли в леса и воспитывали в скитах, чтобы моя мать не устранила ненужного наследника престола. Он не разбойничает, а мстит мне за якобы утраченный трон и унижения Соломонии, своей матери.

– Глупость.

– Да, однако ты сам сказал, что о Кудеяре в народе легенды складывают. А разбой усилился во всех южных и центральных областях. Ватаги злодеев нападают на богатые обозы, грабят их, режут всех. Среди местных жителей лиходеи пускают слух о том, что они служат Кудеяру, брату царя. Вреда от них очень много. Сил, способных достойно противостоять им, у меня нет. Бороться с разбойниками тяжело. Они в лесах как у себя дома. В случае опасности разбегаются, чтобы потом собраться в условленном месте.

– Так надо создать дружины, обучить их. А главное, выловить самозванца Кудеяра, главарей разбойных ватаг да прилюдно казнить их в тех городах и селах, где они лиходействовали. Не будет вожаков, ватаги рассыплются. Разбойники сами поубивают друг дружку за право стать новым предводителем. Для этого дела ты можешь взять мою дружину во главе с Алексеем, моим сыном, который теперь начальствует над дворцовой стражей. Есть люди Головина.

– Пока, князь, я не могу послушать твоего совета, хотя очень желал бы встретиться со своим старшим братцем да лично поговорить с ним. Может, еще и представится такая возможность, а, Дмитрий?

– На все воля Божья!

– Ты прав. А насчет Кученей Темрюковны, то она с братом Салтанкулом должна приехать в Москву в середине месяца. Приходи, как прибудет. Посмотришь, поделишься впечатлениями.

– Они тебе нужны? Если ты держишь в сердце Анастасию, то Кученей будет твоей женой только по званию. Так какая разница, что она из себя представляет? Но раз приглашаешь, приду. Все одно мне дома делать нечего.

– От Филиппа посланий не было?

– Нет, Иван Васильевич. Видимо, соловецкий игумен очень занят управлением обителью и служением Господу нашему.

– Ничего, скоро о нем услышит вся Русь.

Ургин удивленно посмотрел на царя.

– Что ты имеешь в виду, государь?

– Не скажу, не проси. Достаточно того, что ты услышал, кстати, тоже первым и единственным. – Иван хитро улыбнулся.

Ургин аккуратно завернул икону. Царь поднялся проводить его. Вдруг резкая боль ударила ему в голову, в глазах потемнело. Иван упал на скамью, сжал ладонями виски. Он застонал, лицо перекосила примаса нестерпимого страдания.

Дмитрий бросился к нему.

– Что с тобой, государь?

– Голова, – еле проговорил царь. – Боль огненная. Там, у ларца чаша, дай испить.

Ургин поднес царю чашу с темной густой жидкостью.

Иван принял лекарство, повалился на бок и сказал:

– Лекаря, Дмитрий!

Ургин кликнул слуг:

– Эй, кто тут, лекаря к государю, быстро!

Почти тут же в палату вбежал Курт Рингер. Немецкому лекарю хватило одного взгляда, чтобы понять, что следует делать. Он помог Ивану лечь, достал из кармана какие-то крохотные шарики.

– Государь, положи под язык это снадобье, боль и отступит.

Иван подчинился.

– Вот так, – проговорил Рингер. – А теперь лежи.

Боль исчезла так же внезапно, как и наступила.

Иван присел на скамейке.

– Слава Богу, отпустило. Вот, Дмитрий, видишь, какая хворь ко мне прилипла! Ты ступай, я скоро буду в порядке.

Ургин спросил:

– И давно у тебя это?

– Да уж третий приступ. Как будто кто каленым железом мне голову прижигает. Боль такая, что хоть на стену лезь. Хорошо, немец-лекарь снадобье сделал. Ступай!

– Исцеления тебе, государь!

– До свидания, князь.

Ургин захватил икону и вышел в коридор.

Там его ждал сын, начальник дворцовой стражи.

– Отец, почему к царю лекаря вызывали? Опять головная боль?

– Да, приступ.

– Иван Васильевич сильно мучается, когда случаются такие приступы. В первый раз он потерял сознание. А что это у тебя в руках?

– Икона Богоматери. Иван подарил нашему новому храму в Благом.

– Он и на Соловки отправил много церковной утвари и икон. А ты чего домой не едешь? Конь у дворца стоит.

– Дождусь лекаря. Поговорю с ним. Он по-русски то хоть понимает?

– Да, хотя с царем они все больше по-немецки общаются. Иван Васильевич их язык не хуже нашего знает. Также польский, татарский и еще какой-то, на котором ведет переговоры с литовскими послами. Откуда у него такие познания?

– Учился в детстве. Мать, покойная Елена Глинская, с ним занималась, да и сам царь ума большого, образованный, не как ты.

– А я что? Мне с немчурой или татарами не речи вести, а воевать. В схватке и русского языка хватит.

В коридоре появился Курт Рингер.

Ургин-старший остановил его и сказал:

– погоди, лекарь, разговор есть.

– Я слушаю тебя, князь.

Дмитрий приказал сыну:

– Оставь нас, Лешка!

– Да, отец. Я во дворе буду.

Проводив сына, Ургин взял немца под руку.

– Ведь так зовут – Курт?

– Да, Курт Рингер.

– Так скажи мне, Курт, что за хворь такая прицепилась к государю?

– По-русски объяснить не могу, князь, извини. Приступы резкой головной боли, иногда с потерей сознания и зрения. Кратковременные, но сильные. Иногда судороги бывают. Мне известна эта болезнь, но я не могу назвать ее по-русски.

- А опасна та болезнь?
- Всякая болезнь опасна. Взять моего отца. От болячки умер. Случилось заражение крови.
- Но коли тебе известна болезнь царя, ты должен его вылечить.
- Делаю, что могу. Пока вот сумел сделать снадобье, облегчающее состояние государя во время и после приступа. Но надо найти средство, исцеляющее саму болезнь.
- Так ищи!
- Ищу, князь. Без дела не сижу.
- Если тебе что надо, только скажи, всем обеспечу!
- У меня есть все необходимое.
- Значит, за жизнь государя я могу быть спокоен?
- Князь, все в руках Господа. Прямой угрозы жизни государя я не вижу, а вот последствия приступов могут быть разные.
- Что ты имеешь в виду?
- То, что болезнь вызывает иногда ничем не объяснимую ярость, сильное раздражение, способное вывести человека из себя и толкнуть на непредсказуемые поступки. У царя пока такого не было, лишь боль, которая проходит быстро. Да, лечить государя надо, чем я сейчас усиленно и занимаюсь.
- Понятно, Курт Рингер! Ты давай, лечи государя как следует.
- Это моя обязанность. У тебя ко мне все, князь? Извини, дел много.
- Все. Я надеюсь на тебя. Да что там я, вся Русь надеется.
- Это сильно сказано. Сейчас у меня хороший помощник, очень способный юноша из посадских, Федот Борзов.
- Сын Прохора Борзова?
- Не знаю. Но юноша больших способностей, это вне всякого сомнения. Уверен, пройдет немного времени, и равному ему во врачевании на Руси не будет.
- Даже ты с ним не сравнишься?
- Даже я. Но пойду, князь, ты уж извини!
- Конечно, Курт, ступай. Да поможет тебе Бог!
- Курт ушел. Покинул дворец и Ургин.
- Алексей стоял во дворе, держа за узду коня отца.
- Ну что, батюшка, поговорил с лекарем?
- Поговорил. Ты вот что, Алексей, коли во дворце каждый день бываешь, сопровождаешь государя в поездках, смотри за этим немцем и помощником его Федотом Борзовым. Обо всех изменениях в здоровье Ивана сообщай мне. Это тебе мой отцовский наказ.
- Как скажешь. Это мне не трудно. Только Федот-то тебе зачем сдался? Он у немца на побегушках.
- Говорят, способностей необыкновенных. Именно в лекарском деле.
- Да ты что? А с виду не скажешь. Обычный парень, каких на Москве тысячи.
- Он не обычный. Ты меня понял?
- Да, отец, понял. Наказ исполню.
- Домой-то когда сегодня возвратишься? Глафира спросит, что сказать?
- Как освобожусь, так и вернусь. Сам понимаешь, служба у меня такая.
- Ладно, служи. А я до дома.
- Ургин, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, легко вскочил на коня. Спустя полчаса он был на своем подворье. Подарок Ивана князь поставил к иконостасу.

А через несколько дней начали разворачиваться события вокруг второй женитьбы Ивана Грозного. 15 июля 1561 года Кученей, дочь кабардинского князя Темрюка Идарова, в сопро-

вождении брата Салтанкула и отряда охраны прибыла в Москву. Им отвели хоромы недалеко от Кремля. На следующий день невесту принимали во дворце.

К 10 утра в царских палатах собрались митрополит Макарий, духовенство, ближние бояре. Приехал и князь Ургин. Иван велел привести невесту. Салтанкул ввел сестру в палаты. Кученей была в национальной одежде.

Государь подошел к ней.

– Вот ты какая, княжна Кученей!

– Она у нас самая красивая, – сказал Салтанкул.

– Вижу. Красавица. Только почему взор злой? Или против воли на Москву ехала?

– Что ты, государь, – ответил Салтанкул. – Кученей счастлива стать твоей женой. Она не злая, добрая.

Иван взглянул на брата невесты.

– Ты и далее вместо нее отвечать будешь? Почему девица молчит? Уж не глухонемая ли она?

По палатам прошелся смешок.

– Прекратить! – осадил царь.

Смешки тут же стихли.

– Я не глухонемая, – воскликнула Кученей.

– Так чего молчишь?

В разговор вновь вступил Салтанкул:

– Прости, государь, обычай у нас такой. Когда говорят мужчины, женщины молчат.

– Что ж, обычай уважать надо. Ладно, разговорится еще. – Царь повернулся к митрополиту: – Владыка, крестить их надобно. В первую голову Кученей.

– Само собой, государь, – ответил Макарий. – У нас к таинству все готово.

– Тогда и ее и брата заодно, если он против крещения ничего иметь не будет. Да и с венчанием тянуть не следует. Все! – Государь пошел на выход, по пути сказал Ургину: – Иди за мной, князь.

Ургин пошел за Иваном. В палате, где когда-то заседала Избранная рада, царь присел в кресло. Ургин устроился рядом на скамье.

– Как тебе невеста, князь?

– Что ответить? Восточная красавица.

– Да не такая уж она и красавица. Ростом мала. А глаза какие? Черные, злые!

– По-моему, государь, ты предвзято относишься к ней.

– Может, и так! Если честно, то безразлична она мне. Глядя на Кученей, вспомнил Анастасию. Признаюсь, на мгновение возникло желание прогнать эту княжну вместе с ее услужливым братцем. Не знаю, как сдержался. Сейчас она не вызывает у меня никаких чувств, кроме раздражения. А ведь ей быть моей женой, мне спать с ней в одной постели. Смогу ли?

– На эти вопросы только ты ответишь.

– В том-то и дело. Знаешь, кого я увидел в Кученей? Дикую кошку. Ты к ней с лаской, а она когти выпускает и шипит как змеюка.

– Что же ты хочешь? Такие нравы у них в горах. Поживет здесь, изменится.

– Она-то, может, и изменится, а я нет. Но хватит об этом. На свадьбу придешь? Приглашаю со всем семейством. Пира особого устраивать не буду, но угощу всех знатно. Придешь?

– Нет, государь, – ответил Ургин. – Я, с твоего позволения, в Благое поеду. Подарок твой отвезу, отстою первую службу в новом храме. Помолимся за тебя и за твою жену.

– Что ж, дело твое. Благое так Благое. А коли с новой супругой в гости к тебе на село заеду, не прогонишь?

– О чем ты, государь? Встретим как родного.

– Представляю, как твои люди на Темрюковну глазеть будут. Укорят меж собой меня, мол, не нашел себе невесты на Москве, выбрал какую-то дикарку. Да, Дмитрий?

– Нет! Никто осуждать тебя не будет. Каждый человек волен устраивать свою личную жизнь так, как хочет. Другим до того никакого дела быть не должно. Кстати, в Благом две татарские семьи поселились. Вчера узнал об этом. Ничего, сельчане приняли их.

– Так и должно быть. Государство и законы у нас одни. Русь едина, и все в ней равны.

– Я думаю так же, государь.

– Значит, ты так и не скажешь ничего о Кученей?

– Она твоя невеста, и не мне обсуждать ее. Уживетесь, хорошо, счастья вам. А на нет, как говорится, и суда нет. Все в руках Божьих.

– Ну и ладно.

– Ты скажи, государь, как твое здоровье?

– В порядке, раз жениться собрался. – Иван Васильевич улыбнулся и добавил: – Курт лечит. Даст Господь, уйдет хворь. А если нет, то и с ней жить можно. Человек ко всему привыкает.

– Главное, здоровье береги. Без тебя Русь ждут смутные времена.

– Не будем об этом. В Благом людям кланяйся от меня. Ступай, Дмитрий, мне к лекарю надо.

– Хоть он заставит тебя отдыхать! Прикажет хворь, сам подчинишься. Еще раз здоровья тебе. А в гости жду, не забывай.

– До свидания, князь!

Ургин вернулся на подворье и приказал челяди готовиться к поездке в удельное село.

20 июля кабардинская княжна была крещена митрополитом Макарием и стала Марией. 21 августа состоялось венчание. Иван подарил Марии золотое блюдо из Оружейной палаты, на котором возлежал свадебный головной убор. На этом пышные торжества закончились. Сама свадьба, на удивление москвичей, прошла весьма скромно.

Иван Васильевич не питал никаких чувств к своей молодой супруге. Кабардинская княжна старалась во всем угодить мужу, однако это ей не удалось. В сердце Ивана навсегда осталась Анастасия. Это обстоятельство предопределило дальнейшие отношения Ивана Васильевича и Марии Темрюковны.

Заклученный брак возвысил родственников Марии – князей Черкесских. Расчет царя оправдался. Женитьба на кабардинской княжне позволила ему сохранить спокойствие на восточных рубежах России.

На личную жизнь Иван не обращал особого внимания. А вот царица вскоре после свадьбы во всей красе показала свой нрав и характер. Это произошло 26 августа.

Лечение немецкого лекаря принесло свои плоды. Несколько дней у царя не было приступов. Рингер советовал Ивану больше находиться на воздухе. Царица же пожелала поохотиться и посмотреть здешние места, непривычные ей. Поэтому ранним утром небольшой отряд во главе с царем выехал в Воробьево.

Мария Темрюковна была поражена красотой русской природы, а особенно множеством дичи, водившейся в здешних лесах. Охотники позавтракали во дворце и спустились с Воробьевых гор в долину реки Сетунь. Мария управляла конем легко, непринужденно. Отряд миновал Кунцево, Крылатское и приближался к селу Ромашкову, вотчине Романовых, родственников царя.

Охотники направились к лесу. По дороге им встретился торговый обоз, ехавший в Москву. Люди, зная приветливость царя, бросились к нему. Иван остановил коня, готовясь вести разговор с купцами.

Но Мария вылетела на породистом скакуне вперед и, сверкая злыми глазами, крикнула торговцам:

– А ну прочь с дороги! Или не видите, кто едет?

– Так видим, царица, – ответил старший из купцов. – Поэтому и вышли к вам, хотим поприветствовать, пожелать здоровья да счастья.

Лицо Марии Темрюковны обезобразила злоба.

– Пошли вон с дороги, доброхоты!

– Негоже царице так с подданными разговаривать. Прежде такого не было.

– Не было, так будет. Пошли вон, холопы, или я вас сейчас кнутом угощу.

Старший купец помрачнел.

– Да, послал нам Бог царицу. И за какие такие грехи?

– Что ты сказал, собака? Чем-то недоволен?

Она подняла кнут и хотела ударить купца, но подоспевший царь успел перехватить руку жены. Он рывком сбросил ее с коня.

– Ты, кабардинская княжна, не много ли берешь на себя?

Мария вскочила с земли.

– Это меня оземь? И за кого? За смердов?

– Пред тобой люди. Они с добром к тебе вышли, а ты?

– А я...

– Молчать! – приказал ей царь, соскочил с коня, подошел к купцу и спросил: – Как тебя зовут?

– Потап Ермилин, – все так же мрачно ответил тот. – Едем на торговлю из Погарово. Вот увидели тебя с молодой женой, хотели пожелать счастья, а в ответ кнут. Меняются времена. Жаль.

Царь обратился к остальным купцам, сбившимся в кучку:

– Вы так же считаете?

– А чего считать-то, государь?! – заявил какой-то молодой мужчина. – Ты и сам видел, как встретила нас твоя жена.

Иван обернулся к Марии:

– Видишь, что натворила, царица? Пред тобой люди, а не скот. Здесь не дикие степи. Молчишь? Верно поступаешь. Перед людьми предупреждаю, коли хоть один еще раз позволю себе унижать наших людей, то цацкаться с тобой не стану, отправлю обратно в горы вместе с родней. Свое слово я всегда держу. – Царь повернулся к опешившим купцам: – Вы простите ее, люди добрые. Да и меня... – Он не договорил, с досады ударил себя кнутовищем по сапогу.

– Да что ты, государь, всякое бывает. Вы торопитесь на охоту, а тут мы лезем со своими пожеланиями. Ничего. А царица пообвыкнет, обживется на Москве, другой станет. Счастья вам и долгих лет жизни. – Ермилин и все купцы поклонились царю.

– Удачной торговли вам, Потап. На Москву езжайте смело, никто обиды не учинит. – Иван вскочил на коня, то же самое сделала и Мария.

Царь взглянул на нее и сказал:

– Возвращаемся в Воробьево, поохотились!

– Но я не хочу во дворец! – воскликнула Мария.

– Ты жена моя и будешь делать то, что я скажу. А я велел молчать. Забыла? Коротка бабья память? Или приказы мои тебе нипочем? Так я быстро научу, как надо себя вести. Твоим же кнутом. Все! Домой, я сказал!

Охотничий отряд пошел обратно в Воробьево.

Во дворце Иван закрылся в своих палатах, но недолго пробыл один. Вошла царица, на этот раз смиренная, в обычной домашней одежде.

– Чего тебе? – грубо спросил жену Иван.

– Не гневайся, хозяин сердца моего. Погорячилась я, но такая уж кровь течет в моих жилах. Позволь сказать.

– Говори. – Иван быстро отходил от гнева.

Мария пристроилась рядом с креслом на лавке, покрытой дорогим заморским ковром.

– Только обещай выслушать до конца и без обиды. Я вижу, как далеки мы пока друг от друга. А нам жить вместе, детей рожать. Вот ты царь, а разговариваешь с простолюдинами как с равными. Ты второй на Руси после Бога. Разве это допустимо? У нас в Кабарде не так. Если простолюдин косо посмотрит на князя, сразу же отведает батога. А не подчинится, проявит своеволие, так и голова с плеч.

– Как обстоят дела в Кабарде, я знаю. Это неправильно, менять будем. Законы в России одни на всех. Если тебе неизвестно, то скажу, что лет пять назад кабардинские князья приезжали в Москву с богатыми дарами. Они просили меня принять весь ваш народ в русское подданство. Я удовлетворил их просьбу, и Кабарда стала частью великой Руси. Законы там те же, что и в Москве. Да, с народом я общаюсь просто. Ведь он и есть государство. Поэтому простые люди меня и любят. Не все, конечно, но большинство за меня стоит. В этом успех моего правления.

– Но любят того, кого боятся. Русский народ будет уважать тебя еще больше, если ты проявишь строгость, а не милость. Особенно бояре.

Иван посмотрел на Марию.

– Что ты понимаешь под строгостью?

– А то, что врагов надо уничтожать. Казнить всех, кто слово против тебя скажет.

– Ты предлагаешь мне известить собственный народ?

– Нет, заставить всех бояться тебя, а меня, твою жену, уважать. Ты сегодня унижил меня перед купцами. Что они сейчас на Москве скажут? Вот какой у нас царь, заступник, защитник, а супруга у него так себе. Он вон взял и бросил ее в грязь.

– Сама виновата. Нечего было на людей лаяться да кнутом размахивать.

– Ладно, пусть виновата, но ты должен был поддержать меня.

– Чтобы ты при мне купца кнутом не за что угостила? Тому, Мария, не бывать. Слово, данное при людях, я сдержу. Помни об этом.

– Эх, царь! – Мария вздохнула. – Если бы ты хоть немного слушал мои советы, то и Русь стала бы другой. Не понимаю! Бояре чинят заговоры против тебя. Наместники в отдельных областях открыто проявляют своеволие. Прямо здесь княгиня Ефросинья с сыном своим плетут сети смуты. Сколько зла они тебе принесли, а ты всех прощаешь, если наказываешь, то вскоре снимаешь опалу. Вот изменники и берутся за прежнее. Почему ты не казнил Адашева, Сильвестра, Ефросинью и Владимира? Отрубил бы им головы на лобном месте при всем народе, так другие крепко задумались бы. Вот твоя мать Елена Глинская, та правила верно. Она врагов не щадила, да вот только не успела всех известить. А ты их прощаешь.

Иван поднялся.

– Все сказала?

– Все! Теперь хоть казни, хоть милуй.

– Если все, то о сказанном забудь и впредь не лезь в мои дела. Я буду править так, как считаю нужным, и советы твои мне не требуются. Ты же по возвращении в Москву, откуда места своего не поймешь, из Кремля ни ногой. Дальше видно будет. Таков мой ответ, царица Мария Темрюковна.

– Может, ты и спать со мной, дикой кабардинкой, перестанешь?

– Супружеский долг исполнять буду, но на любовь мою не рассчитывай. Нет ее. А теперь ступай и распорядись, чтобы стража готовилась к отъезду в Москву. После обеденной молитвы и трапезы тронемся.

Мария фыркнула дикой кошкой и вышла из палаты.

Царь же достал из-под рубахи образок с изображением Анастасии и сказал:

– Видишь, Настенька, как плохо мне без тебя! Во дворец хоть не ходи. Видеть эту особу не могу, но должен спать с ней. Ты все понимаешь и простишь меня. За детей не волнуйся, живы и здоровы они, слава Богу. Эх, Настя, недолог был наш счастливый брак. Лиходеи разлучили нас. Они не только тебя, но и меня убили. Но я должен править государством, закончить все задуманное, оставить детям нашим, царевичу Ивану сильное, процветающее государство. Потом приду к тебе. Мы снова будем вместе, с нашими детишками, которые без времени покинули нас. Я люблю тебя, Настенька. Так будет до гроба. Прости. – Иван поцеловал образ, спрятал его под рубаху и почувствовал, что голова словно свинцом наливается.

Неужто опять приступ? Он не взял с собой лекарство, сделанное Куртом. До Москвы далеке, а тут помощь оказать некому.

Но обошлось. Голова прошла.

Начальник стражи доложил о готовности к отъезду. После молитвы и трапезы царь двинулся к Москве и в третьем часу вошел в палату.

К нему тут же явился Курт Рингер.

– Прости, государь, но почему ты не предупредил меня, что покидаешь Москву? Я пока не советовал бы тебе уезжать так далеко и надолго.

– А если будет срочная потребность?

– Тогда я должен сопровождать тебя. Сегодня здоровье не подвело?

– На мгновенье голова будто свинцом налилась. Но отступило.

– Вот видишь! А коли приступ? Кто помог бы тебе?

Иван улыбнулся.

– Тебя доставили бы из Москвы.

– Не надо так больше делать, Иван Васильевич!

– Хорошо, не буду. Без тебя никуда.

– Тебе все шуточки, а я места себе не находил, узнав, что ты выехал из Москвы.

– Беспокоишься за меня?

– Странный вопрос, государь. Я за тебя готов жизнь положить!

– Не обижайся, Курт, скажи лучше, кто тебя нашим старинным словам научил?

– Федот Борзов постарался.

– Кстати, как он познает твою науку?

– Как песок воду знания в себя впитывает. Очень хороший лекарь будет, причем совсем скоро.

– А другие?

– Тоже весьма усердны в учебе. Русский народ очень любознательный и тянется к знаниям. Поэтому Россия и станет самой просвещенной державой в Европе. Я в этом не сомневаюсь.

– Если ей позволят стать просвещенной, – тихо проговорил Иван Васильевич.

– Мне бы осмотреть тебя надо.

– Прямо сейчас?

– Не обязательно. Как выберешь время, кликни.

– Добро. А лекарство ты сделал хорошее, молодец, Курт.

– Благодарю, государь. – Рингер, как и всегда, смутился от похвалы и покинул царские палаты.

Подготовка к взятию Полоцка включала в себя не только военные приготовления, но и наращивание дипломатических усилий. Российские послы блестяще выполнили сложное поручение царя.

Они смогли нормализовать отношения со шведами и датским королем, Фредериком II. Русским купцам выделялся торговый двор в датской столице. В результате воевать сразу с несколькими противниками в ближайшие годы предстояло не России, а королю Сигизмунду II Августу, вступившему в конфликт со Швецией.

Перемирие с Литвой заканчивалось весной 1562 года. Не дожидаясь этого срока, основная группировка русских войск во главе с Иваном Васильевичем вышла из Москвы 30 ноября. 4 декабря она прибыла в Можайск, откуда царь отдал последние распоряжения полкам, двигавшимся из разных городов.

Общий сбор войск был назначен на 5 января 1563 года в Великих Луках. Все они прибыли туда вовремя. Там завершилось формирование семи полков.

9 января началось движение к Полоцку. Войска пришли туда 30 января и встали лагерем невдалеке от города.

Государь с первыми воеводами и немногочисленной стражей сразу же отправился смотреть Полоцк. Под стенами он пробыл долго, постоянно делал пометки на чертеже. Защитники города увидели его и открыли по нему огонь из пищалей. Царь не тронулся с места, не обращал внимания на обстрел. Только стража окружила его, прикрывая собой от случайной пули.

Посмотрев на город, Иван Васильевич возвратился в лагерь, где собрал военный совет.

Царь был строг, сосредоточен.

– Воеводы, мы стоим у Полоцка, закрывающего дорогу на Вильно. Мною разработан план осады и взятия крепости. Приказываю передовому полку Глинского идти за Двину, на Виленскую дорогу. Полку правой руки Мстиславского также выдвинуться за Двину и встать вдоль дороги на Чесвятское, против острова и Кривцовской слободы. Ертаулу Телятевскому выйти в устье реки Полоты и встать на Двине против Лужных ворот. Большому полку закрепиться напротив острога или Великого посада. Завтра должны подойти сторожевой полк Щенятева, полк левой руки Турунтая-Пронского и наряд Репнина. Их места я укажу особо. У меня все. Кому что неясно, воеводы?

Князья промолчали.

Тогда Иван Грозный приказал:

– Исполнять!

Войска двинулись к Полоцку. Царь вывел свой полк к озеру, напротив восточной стороны города. Он велел играть в трубы, бить по набатам, ставить и укреплять лагерь.

Вечером Иван Васильевич решил пойти с охраной в Борисоглебский монастырь, где рассчитывал разместить ставку. По пути он чуть было не погиб. Противник открыл пушечный огонь по его отряду. Одно из ядер убило двух ратников стражи и лишь по счастливой случайности не задело царя.

Иван укрылся в ближайшей балке и передал в свой полк приказ подготовить пять полуторных пищалей да одну большую, с фланга выставить пушки Бартулова и ответить на стрельбу противника. Царь вызвал к себе стрелецкого голову Ивана Голохвастова. Он велел ему вывести людей к Двине, закопаться по берегу, насколько можно, и стрелять по посадам.

Ответный огонь русских нанес литовцам существенный ущерб. С наступлением темноты стрельба прекратилась. Полки, занявшие свои позиции, организовали разведку и охранение мест дислокации. Иван Васильевич вернулся в государев полк, где был поставлен его шатер.

Вечером государь при свечах еще раз тщательно изучал большой чертеж. Ему необходимо было определить направление главного удара по Полоцку. Он нашел решение. Наступление на город следовало вести по льду Западной Двины через Кривцов посад на Великий острог, не имевший стен со стороны реки.

В шатер вошел князь Владимир Андреевич Старицкий.

– Позволь, государь?

– Входи. Тебе разрешения не требуется.

– Все думы думаешь, Иван Васильевич?

– Войну без расчета не выиграть.

Князь Старицкий посмотрел на чертеж.

– Вижу, ты решил брать город от Двины?

– Да, самое удобное место.

– Удивительно!

Царь взглянул на двоюродного брата.

– Что тебе удивительно, Владимир?

– Сигизмунд понимал значение Полоцка, постоянно укреплял его, усиливал людьми, орудиями, но позволил оставить всю южную часть города без стены. Почему так, государь?

– Он никогда не воевал зимой. Летом путь к городу с юга прикрывает широкая река, которая остановит врага лучше всякой стены. Хотя, конечно, здесь король допустил промаху. Ему бы обнести весь город, включая и Кривцов посад, стеной, да не деревянной, а каменной. Впрочем, и она не устояла бы против наших осадных орудий.

– Письмо о сдаче в Полоцк отправлять будешь?

– Не сразу, как разместимся. Но думаю, что воевода Довойна вот так сразу город не сдаст. Возможно, позже, когда поймет, что сопротивление бесполезно.

– Ты настолько уверен в успехе?

– Да, Владимир! Мы возьмем Полоцк.

– Тебе, конечно, видней.

– Ты здесь останешься или к себе пойдешь?

– Гонишь?

– Мне надо еще работать.

– К себе пойду.

– Ступай, да проверь заодно, как ратники несут караульную службу.

– Слушаюсь, государь!

К вечеру 31 января подошли сторожевой полк и артиллерийский наряд. Воеводы Щенятев, Турунтай-Пронский и Репнин явились в ставку царя.

Иван Васильевич тут же приказал сторожевому полку встать между ертаулом и большим полком, северо-западнее Верхнего замка, полку левой руки разместиться у Борисоглебского монастыря, выставить пушки для обстрела всего города. Все перемещения он велел закончить не позднее вечера 1 февраля.

Отпустив воевод прибывших полков, Иван Грозный вызвал к себе стрелецких начальников Василия Пивова и Ивана Мягкова.

Они явились тут же, так как их позиции находились рядом с государевым полком.

Иван указал им на чертеж.

– Вот Ивановский остров напротив стен Верхнего замка, Якиманского, Кривцова и Великого посадов. Вам следует переправить свои отряды по льду, закрепиться на этом острове и оттуда обстреливать посады.

Василий Пивов кивнул.

– Да, государь. Какова наша главная цель? На Якиманке народу почти не осталось, как и в Кривцовском посаде.

– Если там неприятеля не обнаружите, обстреливайте Великий посад. Завидев защитников на стенах замка, сбивайте их метким огнем. Понятно?

– Да, государь. Позволь идти?

– Ступайте да быстрее занимайте остров.

2 февраля царь объявил смотр всем войскам, окружавшим город-крепость Полоцк. Он сам объезжал полки, проверяя точность исполнения своих приказов. Армия рассредоточилась

строго по плану царя, но уже третьего числа дислокацию полков пришлось менять. В этот день резко потеплело, и лед на Двине начал таять. Впрочем смена позиций была незначительной.

В ночь с 3-го на 4 февраля Иван Васильевич приказал воеводе Шереметеву-Меньшому закрепиться на Ивановском острове. Днем князь Василий Серебряный начал оборудовать позиции у Двины.

В это же время стрелецкий отряд Ивана Голохвастова поджег башню стены у острога над Двиною и прорвался в нее. Голохвастов запросил разрешения продолжать наступление и войти в Великий посад, но Иван Грозный, как и при осаде Казани, запретил это. Он приказал стрельцам не только не входить в город, но и оставить башню, отойти на прежние позиции, так как основное войско еще не было готово для общего штурма. Как только стрельцы отошли, по Полоцку ударили русские пушки. Это был первый масштабный обстрел крепости.

5 февраля Иван Грозный решил провести переговоры с осажденными. Он послал к воротам дворян Василия Розладина, Ивана Черемисинова и Михаила Бунина. Из Полоцка к ним вышли городничий шляхты Быстренский, писарь Лукаш Холобурда и Василий Трибун. Русские послы потребовали сдачи города на милость государя, пригрозив в противном случае полностью разгромить Полоцк.

Шляхтичи попросили время на то, чтобы комендант города воевода Довойна принял решение. Они сказали, что русский государь мог бы проявить милость и приказать прекратить артиллерийский обстрел, от которого гибнут горожане. На вопрос о том, сколько времени потребуется на раздумье воеводе Полоцка, шляхта ответила – неделя. На этом переговорщики разошлись.

Иван Черемисинов доложил царю о просьбе представителей Довойны.

Белый царь усмехнулся:

– Время затянуть желает воевода?.. Значит, ждет помощи. Откуда, нам пока неизвестно, но мы не дадим Довойне играть с нами. До утра огонь по городу прекратить, завтра же выставить шляхте твердые условия. Они сдают крепость, либо мы громим ее. Все!

А наутро к стану русского войска вышли два литовца-перебежчика. Караул задержал их и доставил к царю.

– Кто вы? Откуда прибыли? – спросил Иван.

– Марк Иванов, Федька Сафонов. Бежали из войска гетмана Радзивилла, которое идет из Минска на помощь Полоцку.

– И большое войско ведет гетман? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Тысяч пять да около двадцати пушек.

– С такими малыми силами Радзивилл рассчитывает помочь Довойне? Это же смешно.

– Он хочет отвлечь на себя часть твоих войск, не вступая в бой, – ответил Иванов.

– Но зачем ему это надо?

– Чтобы к Полоцку тайными тропами подошел Григорий Хоткевич с большим войском.

Он ударит тебе в тыл со стороны Вильно.

– Вот оно что! Теперь понятно, почему воевода Полоцка затягивает время. А вы чего решили переметнуться к нам?

– Желаем служить русскому государю, – ответил Сафонов.

– Что ж, раз желаете, то служите.

Иван приказал отправить перебежчиков в сторожевой полк, после чего вызвал в ставку начальника ертаула Телятевского, Репнина, Ярославова и татарского служивого царевича Ибака. Он приказал Телятевскому выслать разведку в сторону Минска и Вильно, обнаружить отряды Радзивилла и Хоткевича, определить их численность и оценить вооружение. Большой полк должен был воспользоваться этими данными и уничтожить силы противника, подходящие к Полоцку.

Русские войска двинулись в сторону Минска и заметили отряд Радзивилла недалеко от Полоцка. Великий гетман не принял боя и отступил.

Разведка, высланная на поиск отряда Хоткевича, донесла, что виленский воевода тоже предпочел ретироваться при появлении дружины князя Ярославова. Она не стала преследовать противника и вернулась к Полоцку.

Иван Грозный воспользовался затяжкой переговоров. По его приказу артиллеристы ночью установили орудия у самых стен города. Вечером 7 числа к Полоцку подошла тяжелая артиллерия, и русский царь потребовал безоговорочной капитуляции города.

Ответом на ультиматум стала стрельба со стен крепости. Переговоры были окончательно сорваны.

Утром 8 февраля тяжелая артиллерия начала методичный обстрел города. Орудия были установлены вплотную к стенам Великого острога. Ядра разламывали их, пробивали насквозь.

В полдень 9 февраля из Полоцка был доставлен еще один перебежчик. Иван Васильевич тут же принял его.

– Ротмистр Горшевич! – представился тот.

– Ротмистр? – удивился царь. – Уж кого-кого, а воинского начальника в качестве перебежчика я видеть не думал. Что подтолкнуло тебя, ротмистр, на предательство?

Горшевич поднял голову.

– Если я кого и предал, то не свою честь. Мне стал известен иезуитский замысел воеводы Довойны.

– Что за замысел?

– Воевода принял решение сжечь Великий острог. Это гибель многих мирных жителей, потому что Верхний замок не сможет вместить всех. Люди окажутся обреченными на страшную смерть, в лучшем случае на пленение. Потому я и пришел к тебе, русский царь. Останови Довойну, не дай ему сжечь острог. А со мной делай, что пожелаешь. Я воевал против тебя, как уж мог. Побеждает сильнейший, таков закон войны.

В шатер вбежал Иван Бутурлин из ертаула.

– Государь, литвины подожгли острог. Пожар распространяется по всему посаду. Из города рвутся тысячи жителей.

Иван посмотрел на Горшевича.

– Поздно, ротмистр, ты пришел ко мне! – Царь отдал приказ: – Жителей выпускать беспрепятственно, государеву и большому полкам следом за отступающим неприятелем ворваться в замок. К полкам выслать подкрепление во главе с Хворостининым и Овчининым. Выполнять!

– Слушаюсь! – Бутурлин выскочил из шатра.

– Что будет со мной, русский царь? – спросил Горшевич. – Меня ждет плен или казнь?

– Ты откуда родом, ротмистр?

– Из Кракова, государь!

– Семья?

– Жена и дочь.

– Здесь?

– Нет. Жена как раз рожала, когда меня отправили в Полоцк. Потому они осталась в Польше.

– Так езжай к своей жене и дочери! Ты им нужен. Отправляйся, тебя пропустят чрез войска. Больше, ротмистр, не воюй против России. Это мой тебе совет. Свободен!

– Ты отпускаешь меня? – удивился Горшевич.

– А у тебя что, со слухом плохо?

– Благодарю тебя, великий царь!

– Свободен, ротмистр, не до тебя! Совет помни!

– Да, конечно. Благодарю! – Ротмистр вышел из шатра и смешался с толпой, бегущей из горящего города.

В ставку прибыл Дмитрий Иванович Хворостинин.

– Позволь войти, государь?

– Входи, докладывай, удалось ворваться в замок?

– Нет, государь. Мы оттеснили туда противника, но сами войти не смогли. Воевода Довойна, его люди, бояре и часть горожан заперты в замке.

– Что ж, оттуда им деваться некуда. А что местные жители? Как в остроге?

– Там сгорело не менее трех тысяч дворов, пожар продолжается. Думаю, он охватит весь город. Жители собрались у монастыря.

– И сколько их?

– Трудно сказать, с виду тысяч десять. В основном женщины, дети, мужиков мало. Да, чуть не забыл, здешние показали нам тайники в лесу около города с большим запасом продовольствия. Оно нам не помешают, хорошее подспорье.

– А что, по-твоему, будут есть сами местные жители? Женщины, дети? Ведь они могли и не показывать тайники, но сделали это. А мы, значит, заберем все в полки, где и так хватает запасов? Отдать людям, разделить всем поровну!

– Кто этим займется?

– Третий воевода.

– Понял, а что по замку? Каков приказ насчет него?

– Дмитрий Иванович, если литвины да поляки не одумаются и не пойдут на сдачу, то будем готовить приступ. Исполняй приказ!

– Слушаюсь! – Хворостинин покинул шатер.

В тот же вечер у царя собрались первые воеводы.

Он поглядел на чертеж, испещренный стрелками и линиями, и приказал:

– Завтра и послезавтра установить тяжелые пушки напротив замка и бить по нему без перерыва. Полки должны быть в готовности к приступу. Стрельцам постоянно подбираться к стенам и пытаться поджечь их. Открыть огонь раскаленными ядрами. Сколько таких пушек мы можем выставить вокруг замка? – спросил он начальника наряда князя Репнина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.